

Олег Белоус

Когда на Земле стало тесно

12+

Олег Белоус

Когда на Земле стало тесно

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Белоус О.

Когда на Земле стало тесно / О. Белоус — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Мастерградцы узнают, что они не единственные "попаданцы" из 21 века в конец семнадцатого. На севере Американского континента возникает колоссального размера государство других попаданцев, основанное индейцами навахо, нетерпимых и агрессивных, настроенных на месть белым за страдания предков. Мир должен измениться, так, как этого желает Мастерград или его заокеанские оппоненты. Продолжение "Попаданцы в стране царя Петра" (4 том)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Олег Белоус

Когда на Земле стало тесно

Глава 1

Капитан Томас Харди, командовавший флагманом британского флота в злосчастной битве в Английском канале (проливе Ла-Манш), почтительно поклонился сидящему в изящном кожаном кресле Первому Лорду Адмиралтейства. Не отводя твердого взгляда упрямых серых глаз от лица вельможи, горделиво выпрямился и стал ждать пока вельможа изволят заговорить. Несколько секунд тот мрачно рассматривал офицера, в лучах закатного солнца кровавыми точками горели бриллианты, которыми был обшит роскошный придворный мундир. Прикрытые кружевным обшлагом пальцы одного из высших чиновников Британии машинально пригладили тонкие щегольские усики. Наконец разлепив сложенные в жесткую складку губы, он желчно поинтересовался:

– Ну и что еще вы можете мне рассказать кроме того, что франки вместе с moskovit чертовски ловко надрали вам задницу? И где черт возьми пока еще, – он голосом выделил слова «пока еще», – адмирал Рук?

Первый Лорд начинал морскую службу капитаном фрегата в Вест-Индии и при случае не чурался выражаться совершенно не куртуазно.

– Он погиб, сэ, – почтительно произнес капитан и провел ладонью по сизообритому лицу.

Вельможа несколько мгновений осмысливал сказанное. Приличествующее случаю время немного помолчали. Потом криво усмехнулся:

– Ну что-же старый пьяница спас шею от знакомства с веревкой палача... Как это случилось?

– Ядро ударило его в грудь, сэ.

Несколько мгновений со все возрастающей яростью Лорд смотрел в обветренное, все еще хранящее тропический загар, лицо моряка. Резко вскочив с кресла, прошелся по кабинету к окну и назад к столу. Расставив короткие ноги, остановился напротив капитана, быстро завертел за спиной пальцами и поглядел снизу вверх на надоедливого посетителя:

– Гром и молния! Кто ответит за поражение? Берега королевства остались без защиты Royal Navy! Капитан, вы хоть знаете во сколько казне обошлось его строительство? Да там одного железа столько, сколько вся Британия производит за целый год! Королева и Парламент желают знать, кто виноват в потере паровых судов и всех броненосцев!

– Без поражений не бывает побед, – покачал головой капитан, – зато теперь мы знаем, как бороться с Mastergrad. Их орудия почти бессильны против брони, реальную опасность представляют только летающие корабли, особенно большие.

Лорд нахмурился и капризно изогнул губы.

– Sirrah (братец), не слишком ли большую цену мы заплатили за это?

От панибратского обращения щеки капитана покраснели, но ответил все так же твердо:

– Бой показал, что мы должны спрятать орудия за щитами от снарядов, – капитан достал из-за обшлага камзола свиток. Попросив взглядом разрешения и получив его, развернул бумагу на массивном столе из красного дерева, сплошь украшенном резьбой с изображением вписанных в круг геральдических роз. Вельможа немного поколебался, затем склонился над изображением. Капитан ткнул жестким пальцем в рисунок, – Вот – две закрытые со всех сторон башни для размещения орудий, смещаем их ближе к центру корпуса. Паровых машин поставить вдвое... втрое больше, обеспечить скорость как у кораблей Mastergrad! Мачты долой,

оставить только воронье гнездо (наблюдательный пост в виде открытой бочки, закреплённой над марсовой площадкой фок-мачты парусного судна, где размещался человек). Набор корпуса – железный, как и броня. Двойной борт, пространство между бортами заполнить углем. Все подчинить живучести и огневой мощи! И самое главное, придумать способы защиты от летающих судов.

Наследственная элита Британии, корни значительной ее которой уходили к началу нашей эры, не держалась за страну, не даром англичане говорят *this country* (эта страна). В отношении Родины они обычно проявляли сдержанность, называя ее подчеркнуто нейтрально и отстраненно. Государства приходят и уходят, а цель элиты: владычество над миром остается. Если для этого придется «слить» Англию, то так тому и быть. На этот случай есть план «Б». Главное выиграть схватку, которую они, пока еще есть ресурсы, колонии для размещения производств и запасы золота, не считали проигранной. Несколько мгновений в кабинете стояла полная тишина, потом Первый Лорд Адмиралтейства негромко произнес:

– У вас есть еще предложения?

– Да, сэр!

– Хорошо, подадите их моему секретарю, – Лорд махнул рукой с ухоженными пальцами давая знать, что посетитель свободен, блеснуло множество колец на пальцах.

В знак согласия капитан молча склонил голову и повернулся к двери.

– Напомните, капитан, как вас зовут, – остановил посетителя вельможа. Тот повернулся к нему:

– Томас Харди, сэр!

– Я запомню...

Убедившись, что вопросов больше не последует, капитан закрыл за собой дверь.

Первый Лорд Адмиралтейства откинулся в кресле и сложил пальцы перед грудью домиком, на столе остался лежать чертеж. Через несколько мгновений неприметная дверь в кабинете открылась и оттуда появилось двое роскошно одетых людей, совокупно имеющих влияние в Британии едва ли не большее, чем королева Анна Стюарт: лорд-казначей и лорд-председатель его Величества Почтеннейшего Тайного Совета.

– Прошу, – хозяин кабинета гостеприимно указал покрытой старческими пигментными пятнами рукой на кресла.

Когда высокие гости уселись, лорд-казначей, тряхнув огромным париком, склонился над чертежом.

– В предложениях этого капитана есть смысл? Или мы опять выбросим деньги на ветер как при постройке броненосцев? Джентльмены, казна пуста и весомых поступлений в ближайшее время не предвидится! – Несколько секунд он молча рассматривал рисунок, потом губы вельможи искривились в саркастической усмешке.

– Вы, как всегда, лорд-казначей заботитесь только о наполнении казны, – желчным голосом произнес первый среди моряков королевства, потом положив руки на стол продолжил, – Пока еще нет полной ясности по ходу боя, но судя по имеющимся сведениям, броненосцы показали себя замечательно а деревянные линкоры неотвратимо устарели, так что раскошелиться придется.

– А что по предложениям этого Томаса... кажется Харди?

– Они кажутся вполне разумными, но необходимо рассмотреть их подробнее, после этого и примем решение.

– Полагаете его стоит забрать с собой в заокеанские колонии?

Первый лорд откинулся назад, руки вновь сложились в домик перед грудью.

– Нам предстоит еще много работы, чтобы наверстать разрыв в технике, валлиец имеет опыт войны с русскими варварами и исчадиями *Mastergrad*, он не глуп и может быть полезен...

По сравнению с Францией и Испанией, Англия невелика, но как написал один придворный поэт, кораблями она обнимает мир, да так что у мира только косточки трещат. Полтора века, со славных времен Дрейка, Кавендиша и гибели Непобедимой Армады, Англия неуклонно двигалась к господству на морях, закаляя флот в непрерывных битвах с испанцами, португальцами, французами, голландцами, датчанами... И вот наступили времена, когда завоеванное трудами, кровью, грабежом и банальным пиратством морское могущество оказалось под угрозой. Англичане с давних пор славились как хорошо сознающие собственные интересы и выгоды и умеющие идти к цели несмотря ни на что. Случались и неудачи, как с той же Францией два с половиной века назад во время столетней войны, но успехов все же было намного больше. Англия еще за несколько лет до начала войны за испанское наследство считалась первой морской державой, что приносило господство на океанах и богатства. Никто из собравшихся в кабинете, не хотел и думать об отступлении. Драться до конца, желательно врагов!

– Сэр, – обратился Первый Лорд к Лорду-председателю его Величества Почтеннейшего Тайного Совета, – Когда вы уплываете в колонии?

– Завтра в ливерпульском порту меня ждет бриг «Dragon».

– Сэр, а как продвигаются дела с захватившими наши колонии в Америке краснокожими?

– Пока никак, но я не теряю надежды, такие разные пришельцы из будущего не могут не начать враждовать и тогда краснокожим понадобятся союзники.

– А стоит ли вести с ними переговоры? – с горячностью в голосе произнес Лорд-казначей и бросил неприязненный взгляд на высокого и худого старика с огромным белоснежным париком на голове: лорда-председателя его Величества Почтеннейшего Тайного Совета. История взаимной неприязни двух высших сановников королевства была долгой и истоки ее, по слухам, таились в их молодости, когда они конкурировали за сердце одной и той же юной красавицы. В результате она погибла что на всю оставшуюся жизнь сделало лордов врагами, – О краснокожих ходят самые чудовищные слухи! Говорят, что они даже людей едят, особенно христианских младенцев!

– Чуть! Меньше слушайте болтовню простонародья! – неожиданно громким голосом произнес обычно спокойный лорд-председатель его Величества Почтеннейшего Тайного Совета. Видимо даже его железные нервы не выдержали проверки последними поражениями, – К тому же у нас нет другого выбора. Если мы не найдем сильных союзников, то и про нас скажут: погиб ты народ Хамоса!

– Не знал, что вы такой знаток библии... – колко произнес лорд-казначей, – поэтому вам поручили связаться с главой папистов?

– Джентльмены, не стоит сориться! – с нажимом произнес Первый Лорд Адмиралтейства, – все мы в одной лодке и если не хотим исчезнуть как народ Хамоса, – он слегка наклонил голову в сторону лорда-председателя его Величества Почтеннейшего Тайного Совета, – как справедливо сказал сэр Ридели, должны придерживаться разработанного нами плана и если для этого необходимо пойти в услужение к самому дьяволу, я сделаю это, разрази меня гром!!!

Лорд-казначей пожевал сухими и тонкими губами и нехотя буркнул:

– Согласен...

На перекрестке центральной улицы Владивостока – Имперской и Новой Ордынки, откуда совсем недалеко до порта Золотой Рог, автомобиль подъехал к дощатому тротуару и остановился. Распахнув дверь, Александр выбрался наружу и протянул руку тревожно глядящей на него жене. Она ответила благодарным взглядом и, опершись на локоть, ступила на чисто вымытый тротуар. Сегодня, 1 июля 1706 года по Владивостоку молнией разнеслись вести, что прибыла очередная экспедиция из далекого Петрограда. Публика: молодые, старые, парочками под руку шествовали по тротуарам. Люди разодеты в льняные и шерстяные одежды производства местных мануфактур: ткацкой и швейных, лишь половина одета на казачий манер,

остальные в легкие порты и разноцветные рубашки по попаданской моде. Лица все больше русские, лишь изредка в толпе мелькнет раскосое лицо. Разрешение на пребывание на русском Дальнем Востоке губернатор: генерал Орлов, давал крайне неохотно и то это большей частью были корейцы, им доверяли больше, чем китайцам. После сокрушительного поражения цинской державы и покупки корейцами русского оружия, они освободились от зависимости от Китая и поддерживали оживленные торговые связи с Россией и Мастерградом. Александр захлопнул дверь, взяв раскрасневшуюся жену под ручку, чинно направился по дороге к морю.

Если закрыть глаза, кажется, будто вокруг раскинулся Петроград. В воздухе такой-же острый, йодистый запах моря, смоляной аромат печных труб смешивался с вонью лошадиного навоза. Вдали грохотали по деревянной мостовой колеса пролетки, заполошно кричали рассекающие небо над морской гладью чайки. Порывы ветра доносили шум и суету близкой гавани. Но стоит открыть глаза и морок развеивался. Здесь, в раскинувшемся на берегу Золотого Рога Владивостоке: восточных воротах в Россию, все иное.

Дорога убегала вниз, к порту. Вдоль широких, строили исходя из возможности двухрядного движения в каждую сторону и покрытых досками улиц – высокие, двух-трехэтажные дома из лиственниц, построенные без единого гвоздя. Городская верхушка: купцы, промышленники, чиновники и казачья старшина предпочитали селиться поближе к морю, где свежий ветер облегчал летнюю жару. Новенькие фасады зданий все еще источали смолу и в жаркий день, стоит закрыть глаза и казалось, что идешь по тайге. Вдоль дощатых тротуаров – столбы фонарей, в отличие от Петрограда освещавшегося электричеством, они все еще масляные, зато по верху тянется пока еще негустая сеть телефонных проводов. Электроэнергию городу давала протекавшая совсем недалеко от городских стен Первая речка. В жару она мелела так, что курица легко перейдет, но перегородившая ее плотина создавала даже летом бурный поток, крутивший мельничные жернова и дававший электроэнергию, почти всю уходившую на нужды нарождающейся промышленности города.

Нет, ничего похожего на суетную столицу Российской Империи Петра Первого, ну разве что портом....

На сырых дубовых досках пристани вповалку лежали грязно-белые горы тюков, мешков и бочек, бунты пиленного леса. Кораблей в гавани все еще немного, в основном русские, но среди них была прибавка. Гордо развевались бело-сине-красные флаги с золотым двуглавым орлом посередине на мачтах прибывших ранним утром из далекого Петрограда двух клиперов в сопровождении парового корвета. Им предстояло задержаться на Дальнем Востоке до следующего лета и заняться перевозкой колонистов в далекую Северную Америку. Русской Аляске и Калифорнии быть, и никто их в будущем даже не подумает продавать. Солидно попыхивая дымком, двигались длинные «руки» паровых портовых кранов, подхватив крюком они поднимали и переносили на берег оббитые железом контейнеры. Рядом трудолюбивыми муравьями с корабля на пристань и обратно грузчики, тяжело нагруженные подводы вперемешку с грузовыми машинами арендованными у мастерградцев или московского производства – паровыми, собранными из поставляемых Мастерградом комплектов, отъезжают в сторону, на их место немедленно встают новые, пустые. Чайки, то с криком взлетали ввысь в безоблачное и глубокое тихоокеанское небо, то падали почти до темно-синей поверхности залива Золотой Рог. Рядом с русскими стягами бьются, трепещут флаги над диковинных обводов кораблями бывшего вассального китайцам государства Чосон. Купцы привезли дары Кореи, чтобы потом, нагрузившись железными изделиями, оружием и дарами дальневосточной земли вернуться домой.

Узнав наместника Мастерграда, встречные раскланивались и шли дальше. Нравы в городе царили самые патриархальные, экая невидаль встретить Петелина, тут и сам генерал Орлов хаживал вот так запросто!

Проходившая мимо губернаторской четы купчиха Васильева, относилась к категории безвозрастных женщин, которым равно можно дать и тридцать, и сорок лет и отличалась решительным и стервозным характером. С возрастом, прирастая весом, болячками и семейными хлопотами такие становятся и вовсе кошмарными отродьями, приобретая ядовитый язык без костей. При этом считают себя образцами нравственности, на этом основании имеющими право выискивать малейшую «соринку» в глазу у соседки. В молодости будущая купчиха не отличалась привлекательностью, но благодаря богатому отцу и большому приданому сумела выгодно выйти замуж за супруга, на десять лет старше, которого держала в ежовых рукавицах. По лицу женщины скользнула любезная улыбка. О подтянутом мастерградце по городу ходили удивительные и героические легенды: что тот страшно отомстил убившему первую жену врагу, что сам воин презренный и приятелем приходится самому Государю! Это делало его весьма привлекательным в глазах лучшей половины владивостокцев.

– Здравствуй батюшка, – громким пронзительным голосом произнесла купчиха и торопливо склонила голову, Петелин с Катериной остановились, – бог в помощь, господин подполковник, на корабли заморские пришел полюбоваться?

Остановившийся Петелин с недоумением посмотрел в лъстивые глаза вздорной бабы, – что ей от него надо?

– Здравствуй и ты купчиха. В порту я по службе, а тебе какая нужда во мне? Надо что поди?

Холодный взгляд женщины пренебрежительно скользнул по Катерине. Ладонь девушки в руке Петелина едва заметно дрогнула.

– Люди сказывают, что на неделе ты господин подполковник ассамблею проводишь? Лучших людей города собираешь, как бы и мне с супружником Иваном Борисовичем, приглашение получить? – лъстиво произнесла купчиха, как ей казалось незаметно для мужчины бросив змеиный взгляд на его спутницу.

– Хорошо, – Петелин направился дальше, по пути посмотрел на жену. Катерина явно нервничала, губы огорченно поджаты, еле заметные складки идут от расширенных от гнева ноздрей к уголкам губ.

Александр наклонился к изящному ушку.

– Случилось что Катюша?

Девушка сглотнула невольный ком в горле.

– Эта змея со своими кумушками слова поносные про меня разносит. Думаете всем по нраву что вы взяли в жены бывшую ключницу? Безродная из рабынь прыгнула тебе в постель! А вы видели, как смотрела на меня? Словно аспид! А тут прибежала, пригласи на ассамблею! Змея подколотная!

Мужчина поджал губы, от гнева глаза потемнели:

– Не слушай сплетни глупых куриц. Мать Владимира Святого, тоже из ключниц и ничего, стал властителем и крестителем Руси.

– Нешто правда? – девушка искоса глянула на мужа и горестно поджала губы.

– Правда, правда, дома тебе в книге покажу, если князю Святославу было не зазорно, то мне и тем более не зазорно взять такую красавицу как ты в жены!

– Спасибо, – прошептала девушка, приглаживая мужнину непослушную седую прядь за ухом, – жаль что на улице нельзя вас поцеловать, вы такой славный!

Петелин улыбнулся жене, пальцы ободрающе сжались на тонком девичьем запястье, он оглянулся вслед купчихе ...

Процокали копыта лошадей конного казачьего патруля. Поравнявшись с подполковником, казаки: бородатые с винтовками за плечом, вскинули руки к обрезам черных папах. Благожелательно улыбнувшись, он кивнул станичникам, потом повернулся к жене.

– Будет ей приглашение, – мужчина повысил голос, – навсегда запомнит, как про мою жену сплетни распускать!

Пройдя мимо здания, в стену уходили толстые жгуты кабелей – телефонной станции, они вышли на пристань. Телефон был дорогим удовольствием, но жутко статусным. Если его нет в доме, то как ты можешь причислять себя к лучшим людям города? Первыми оценившие преимущество новинки городские кумушки проели плешь мужьям требованием, чтобы те провели в дом телефон.

В порту, казалось, собрался весь Владивосток – прибытие очередного каравана из Петрограда – большое событие для сонного городка на окраине империи. И людей посмотреть и себя показать. Оставив супругу скучать в густой толпе на пристани, Петелин перебрался мимо отдавшего честь часового по узким сходням на корабль. На борту клипера «Стремительный» его уже ждал старый знакомый – капитан корабля.

– Здравствуй Иван Петрович, здравствуй старый чертяка! – обнял старого моряка из мастерградцев Петелин, – как добрался. Как дела?

– Дела, как юла...

– Это как это?

– То белая полоса, то черная, но в целом нормально!

– Все шутишь?

– Атож, вот мой рапорт, – протягивая тонкую папку, капитан подмигнул и вслед за папкой протянул пакет, опечатанный знакомыми печатями администрации Мастерграда.

– Это то, что я думаю? – вскинул изумленный взгляд на морщинистое и усатое лицо капитана Петелин, тот в ответ, улыбаясь, кивнул. Год тому назад, летом 1705 года, Александр отправил в Мастерград рапорт с описанием боя с паровым кораблем навахо, способным превратить сорокакилограммовым снарядом борт любого судна в решето и предложением о строительстве бронированных кораблей, способных закрепить превосходство попаданцев в океанах. Тогда рапорт затерялся в администрации города и вот наконец ответ!

Пальцы торопливо разорвали пакет, Петелин вчитался в ровные строки напечатанного на электрической печатной машинке производства Мастерграда письма.

На ваш исходящий от 25.07.1705 года, сообщаем, что военный совет рассмотрел ваш рапорт и сообщаем вам его решение:

– принято решение о строительстве не менее двух броненосных крейсеров, с последующей передачей одного из них в город Владивосток в состав тихоокеанской эскадры;

– на третий квартал 1705 года в Собрание депутатов Мастерграда направлено предложение о выделении соответствующих финансовых ресурсов для строительства крейсеров и реконструкции петроградской верфи и оружейного завода.

Петелин оторвал ошеломленный взгляд от письма и посмотрел в улыбающееся лицо капитана.

– Угадай, – произнес тот, – кто будущий командир крейсера, который будет базироваться у тебя?

– Петрович, – вскинул брови Петелин и удивленно уставился на собеседника. Несколько мгновений смотрел в лицо моряка, потом, ошеломленно ахнул, – ты что ли?

Капитан неторопливо вытащил из кармана плотной парусиновой куртки трубочку, раскурил, тонкая струйка ароматного дыма, сносимая ветром с моря, терялась среди голубых просторов неба.

– Атож, – насмешливо сощурился моряк, – и семью перевезу к тебе!

– Скоро наш будешь! – обрадованно произнес Петелин. Мужчины обменялись друг с другом крепким рукопожатием а Александр вновь уткнулся в письмо.

Дальше на двух страницах в спокойном официальном тоне сообщалось о реконструкции военного производства и характеристиках, согласно заданию, броненосных крейсеров.

Планировалась реконструкция пушечного токарно-сверлильного станка оружейного участка оружейного завода – установка более длинной станины, пригодной для производства морских орудий с длиной ствола до 6858 мм по образцу знаменитого 152-мм орудия Канэ и изготовление длинного шлифовального станка для шлифовки направляющих длинных станин.

Строительство кораблей: длиной 100,2 метра, при ширине 11,3 метров и осадке 7,67 метра, с водоизмещением почти 7 килотонн. Две паровые машины двойного расширения общей проектной мощностью 8000 л. с. позволят развить скорость до 15 узлов. Бронирование: кованые плиты от 200 до 400 мм прикроют борт по всей ватерлинии – бронепояс и броневую палубу с броневыми скосами чуть выше верхней кромки главного броневого пояса. Дополнительно защитят корабли расположенные вдоль бортов угольные ямы. Восемь морских 152-мм орудий с длиной канала ствола 35 калибров, установят в бронированных башнях. В целях борьбы с живой силой противника и лодками на крейсер установят усовершенствованные 37-мм пятиствольные орудия на основе системы Готчкисса: с большей начальной скоростью снаряда, эффективной дальностью стрельбы до 1200 м, с электрическим приводом блока стволов, автоматической подачей снарядов и водяным охлаждением стволов.

Письмо заканчивалось уведомлением:

О закладке крейсеров и о направлении корабля в состав тихоокеанской эскадры вы будете оповещены дополнительно.

Глава города С. Маклаков.

– Вот так, – произнес Петелин, аккуратно сложил письмо и спрятал в карман. Мечтательный взгляд прошелся по панораме бухты Золотой Рог, переходящей в искрящуюся сине-зеленую водную гладь океана, на горизонте теряющуюся в пронзительной и безоблачной синеве неба. Воображение нарисовало серую громаду крейсера, внушительно поводящую морскими 152-мм орудиями. Да... это сила! С таким кораблем он берется пустить на дно любой флот! На лице вспыхнула хищная улыбка, глаза блеснули азартом.

– Делайте вашу игру, джентльмены и краснокожие...

Купчиха Васильева так и не дождалась от губернатора приглашения на ассамблею, а пока она, запершись в доме, оплакивала обидную неудачу, на купца свалилась новая напасть. Губернатор отказал в аренде грузовиков и продаже мастерградских товаров. Это уже было не отказ в приглашении, это грозило полным разорением. Васильев был подкаблучник, но не дурак. Сложив два и два он пришел к выводу о виновнике гнева Петелина и впервые в жизни вышел из подчинения властной жены. Вечером испуганные слуги слышали со второго этажа хозяйского дома крик великий и брань, что-то с грохотом падало на пол. Солнце окончательно спряталось за горизонтом, когда купец пулей вылетел из двери светелки и, оглушительно хлопнув ею, удалился к себе. Доверенная служанка, на следующее утро вызванная к хозяйке, потом по секрету рассказала подружкам, что купчиха впервые в жизни обзавелась роскошным фиолетовым фингалом под правым глазом. В тот же день купец приказал запрягать лошадей и направился к генералу Орлову, который слыл приятелем Петелина. Умолить! Верный слуга я твой! Дура баба, язык без костей. Я ей уже язык укорочу! Помоги, батюшка, снять опалу мастерградца...

2 августа, в вечерний час руководство направленной на Алеутские острова экспедиции: губернатор Петелин, капитан клипера «Стремительный» и полуполковник казак со старообрядческой, окладистой бородой и недобрый взглядом цыганских глаз: Василий Кошелев, ужинали. Еда в глиняных тарелках на деревянном столе самая простая, почти такая же как у простых матросов и будущих колонистов. В жаркой, словно баня, богато отделанной ореховым деревом кают-компании не верилось, что на палубе меньше десяти градусов тепла и ветер, пронизывающий насквозь даже сквозь плотную парусиновую куртку и одетый под него свитер толстой, домашней вязки. Что поделаешь... север, вот и климат субарктический даже летом.

Пронзительный звонок телефона заставил Петелина вздрогнуть и бросить взволнованный взгляд на капитана, долгое путешествие и однообразие пейзажа за бортом успело надоесть хуже горькой редьки:

– Неужели дошли?

– Сейчас узнаем, – старательно сдерживая азартный блеск глаз ответил капитан: Иван Петрович. Сняв трубку, заговорил с вахтенным офицером.

Александр повернул голову и взгляделся в квадратное окошечко в стене, почти не слушая разговор. Море медленно падало вниз, в пучину, потом бирюзовые со снежными барашками волны шипя, поднимались к серому небу и, вновь с тяжелым плеском рушились. Скрипели перегородки, заваливался низенький потолок.

– Ну что господа-товарищи! – положив трубку, капитан сверкнул глазами и азартно потер мозолистые руки, – поздравляю вас, дошли! Марсовой видит берег!

Петелин сорвался с места. Скинув с вешалки и, на ходу накинув на плечи куртку, застегнул пуговицы. Позади по узким корабельным переходам топали сапогами сотрапезники. Море встретило свистом свежего ветра в лицо, плеском волн в борт и запахом неспелой дыни с рыбой. День стекал к исходу. В бирюзовых волнах отражался покрасневший диск солнца, почти касаясь океана. За кормой белели паруса второго корабля экспедиции: барка «Труженник». Разорванные облака стремительно неслись в вышине. Прилетели чайки, с криками закружились над высокими мачтами, падая до самой палубы. Птицы – верный признак: земля поблизости.

Твердо ступая по доскам палубы Петелин подошел к леерам, бинокль приблизил далекую тучу на горизонте. Рывком придвинулись высокие заснеженные горы, упирающиеся в хмурое небо, за каменистым побережьем покрытые зеленью лугов склоны.

– Что это? – не опуская бинокль бросил в сторону капитана Петелин.

– По расчетам штурмана это остров Атту.

– Это хорошо, здесь прошлым летом поставили факторию купцы из Петропавловска-Камчатского. Успеем высадиться до ночи? Здесь есть прекрасная бухта!

– Нет, опасно, – ответил капитан, отчего Петелин опустил бинокль и наклонился к собеседнику, – Почему?

– Буря идет, – кивнул в сторону юго-запада рукой капитан, – да и воды незнакомые, опасно, ночью можно напороться на камни.

Петелин повернулся, корабли настигало, быстро приближаясь, серое облако.

По судам боцмана засвистали аврал – все наверх! Крепили паруса к реям, убрали на носу и на корме.

Туча закрыла полнеба, стремительно и грозно потемнело, словно уже началась ночь. Ветер налетел всею силой: рвал снасти, со скрипом гнул мачты, белоснежными птицами полетели сорванные с вантов забытые подштанники. Тревожно засвистало в снастях, защелкали вымпелы. Судорожно цеплялись за канаты и ванты матросы на реях. Пенные волны с силой забили о деревянные борта, море из бирюзового стало серым, холодным. Перекрикивая вой нарастающей бури, топали ногами капитаны, матерно «ободряли» подчиненных боцмана.

Ночь прошла тяжело, беззвездное небо в клочья рвали вспышки яростных молний, падавших кругом корабля в гребни волн, грохот грома заглушал вой ветра и жалобный скрип мачт. Петелин, в парусиновой куртке с надвинутым капюшоном, вцепляясь в поручни, стоял на то вздымающейся, то падающей корме. Словно рыба, выкинутая на сушу, оглушенный, ослепленный. В четыре утра следующего дня ушел в свою каюту хоть немного вздремнуть. Предавшись воле Божьей, лежал возле тонкой деревянной стены, в которую всю ночь громко дубасили волны. Под утро буря утихла, хотя небо все еще хмурилось, а седые, стремительно бегущие к берегу волны ощутимо качали судно, он задремал, пока его не разбудил бой корабельного колокола.

К берегам острова эскадра приблизилась, когда над деревянной, переполненной свободными матросами и поселенцами палубой один за другим пронесли три коротких удара в судовой колокол (полдень). Едва горы, сверкающие в утренних лучах вечными снегами и зеленью лугов побережья, стали хорошо видны невооруженным взглядом, навстречу выплыла флотилия долбленных однодеревок с вооруженными туземцами в плетеных из коры шляпах. Не смея близко приближаться к белопарусным гигантам, каждый в сотни раз больше их примитивных лодок, остановились в некотором отдалении и начали угрожающе кричать и замахиваться в сторону русских короткими оперенными дротиками, всячески демонстрируя что запрещают приближаться к берегу. Сброшенные с кораблей якоря вспенили воду, в сонме пузырьков воздуха ушли на дно. Знакоков алеутского языка среди экипажей и колонистов не было, но в Петропавловске-Камчатском взяли на борт нескольких камчадалов, ранее плававших на русских судах к берегам алеутских островов, они и попытались объясниться с местными жителями с помощью жестов и тех немногих слов туземцев, которые знали. Постепенно выяснилась причина агрессивности аборигенов. Она оказалась банальной и вечной: бабы. Должно быть не выдержав воздержания, устроившиеся на зимовку артельщики обошлись самым хамским образом с несколькими алеутками а если говорить точнее – изнасиловали, чем нарушили предписание камчатских властей: «Никаких обид, утеснений и озлоблений не чинить, съестных и харчевых припасов или чего самовольно грабежом и разбоем не брать и не отнимать, ссор и драк от себя не чинить и тем в сумление тамошних народов не производить под наихудшим штрафом и телесным наказанием». Реакция алеутов, в общем то довольно мирного народа, была вполне предсказуемой, на следующую ночь они напали на факторию, нескольких человек убили и сожгли, что смогли. Разозленные артельщики в ответ казнили семерых взятых ранее заложников. Тогда алеуты атаковали новый лагерь уже большим отрядом, разыгрался настоящий бой. С большим трудом и с применением огнестрельного оружия удалось отбиться, но стало ясно, что удержаться на острове не получится. Артель вернулась в Петропавловск-Камчатский с неполным составом и с трюмами едва на четверть заполненными шкурами каланов. К чести артельщиков, не замешанных в nepотребствах, необходимо сказать, что по прибытии на Камчатку они подали жалобу на остальных за их бесчинства над алеутами.

С продовольствием и с самым главным: питьевой водой на кораблях экспедиции было неплохо: холодильники ломались от замороженных запасов продуктов, кладовые от круп, макаронных изделий, муки и консервов, а запасов питьевой воды хватало на две недели пути. К тому-же главный мотив, узнать, как дела в фактории, исчез, поэтому на военном совете единогласно проголосовали, на остров не ходить. Время лечит, а торговля и ласковое обращение поможет залечить душевные раны туземцев от действий камчадалов. Решили идти, как и первоначально намеривались, к Кадьяку. Словно истосковавшийся по воле и расправившие крылья птицы, корабли помчались с попутным ветром на восток. Через четверо суток, прошедших без всяких приключений, на горизонте возникла цель экспедиции: заросшие зеленью, упирающиеся в нависшие над землей тучи горы острова Кадьяк. Долгий путь от Владивостока успешно подошел к концу.

Корабли экспедиции подошли к берегу на юго-западе острова, в ста метрах дальше белопенные волны безостановочно штормовали безлюдный галечный пляж. Подойти ближе не позволяли глубины. Небольшой залив, прикрытый от ветров с юга островом Ниэр, показался Алексею удачным местом для строительства первой русской крепости и гавани в Америке. Один за другим белоснежные громады парусов опустились, с победным плеском разбрызгивая соленые капли воды в море вонзились якоря, а еще через десяток минут первые лодки с вооруженными солдатами в мастерградской броне поплыли к берегу. Дальше местность круто шла вверх – начинался поросший скупыми субарктическими лугами из злаков и разнотравья склон господствующий над окружающей местностью горы. За несколько метров до земли пассажиры лодок чуть не попадали от сильного толчка – днище задело за каменистое дно. Разбрызгивая

воду, солдаты посыпались в кипящий прибой, несколько шагов, черт, зачерпнули в сапоги! С матом первыми выбрались на галечный пляж американского берега. Распоряжался подтянутый сержант небольшого роста с раскосыми глазами, которого друзья в неслужебное время звали просто: Алексей. Два отделения он направил занять позиции у подножия горы вокруг пляжа. Три автоматчика в сопровождении отделения с винтовками и радиста отправились на вершину горы. Там планировалось создать укрепленный наблюдательный пункт, с которого можно контролировать окрестности. Приданный усиленному отделению тепловизор, из времен до Переноса, гарантировал, что никто даже ночью не подберется незамеченным.

Через час черед паровых, с ДВС типа болиндер и весельных лодок с катерами непрерывно доставляла людей и грузы на берег. Начало темнеть, красный закат в пол неба, не светя, мрачно угасал. В ста метрах от береговой линии возник компактный лагерь. За рядами колючей проволоки, охраняемой парными патрулями, поднялись выцветшие палатки на пять сотен человек. Тарахтение движка электростанции заглушало беспокойный шепот волн и далеко разносилось вдоль берега; краснели яркие искорки костров, у них собрались усталые за долгий и трудный день солдаты и колонисты с семьями. Дым смешивался с аппетитными запахами, доносившимися от полевых кухонь, когда окончательно стемнело по окрестностям зарыскали световые пятна прожекторов, вырывая из темноты то склон горы, то шарахающуюся от света ночную птицу. Даже легендарное умение индейцев подкрадываться не поможет скрытно подобраться к лагерю пришельцев.

На следующий день после торопливого завтрака Петелин высадился на американский берег. Солнце грело спину, свежий ветер с гор охлаждал разгоряченное лицо. Два минитрактора с ковшами негромко тарахтели: рыли ров вокруг лагеря. Вынутую землю выбрасывали внутрь, для вала. Внутри, между палаток белели несколько срубов, по окружности лагеря уже стояли защищенные железными щитами вышки часовых. Вокруг в грубых комбинезонах плотники и подсобники, с шутками, прибаутками и матерком, суетятся. Работа кипит.

Этим же утром появились алеуты. Они долго не решались подойти поближе к непонятным и потому опасным пришельцам и лишь к обеду состоялась встреча. Одаренные стальными ножами (металл поразил простодушных дикарей до глубины души) они удалились и появились на следующее утро вместе с вождями. За это время последние припасы переправили на берег: строительные материалы – цемент, готовые срубы (на Кадьяке леса мало) черепицу, стекла для окон и теплиц, гвозди, съестные припасы и запасы семян, скот, несколько автомобилей и тракторов с газогенераторами, десяток биореакторов, электрогенераторы и многое другое, необходимое для налаживания нормальной жизни. Колонисты должны были развевать огородничество, в том числе оранжерейное и животноводство, морское рыболовство и промысел морского зверя, прежде всего для продажи шкур каланов на рынке необъятного Китая, где они ценились буквально на вес золота, торговлю с аборигенами и превратить остров в центр русской колонизации севера Американского континента. В перспективе планировалось разведение в заливах с узким горлом стеллеровых коров (млекопитающее отряда сирен, весом до пяти тонн, полностью уничтоженных в истории Мастерграда алчными европейцами к концу века), с целью добычи деликатесного мяса. Переговоры с вождями вел лично Петелин. Две группы людей, одна – в мастерградских костюмах, другая в диковинных аборигенных нарядах встретились в глубине залива, где узкая, но очень холодная, пока еще безымянная речка впадала в море. Алеуты (самоназвание унанган) показали ему весьма смыслеными и искусными в морском деле. Почему бы не привлечь их к рыбной ловле и добыче морского зверя для России и Мастерграда и тем самым не привязать прочными узами материальной заинтересованности? Для этого необходима постепенность и отсутствие насилия. Если удастся подрядить аборигенов на добычу бобров, это позволит сэкономить немало сил. Алеутов провели в лагерь, где показали русское оружие и образцы товаров. Гром-палки, из нее пришельцы шутя пробивали ствол дерева толщиной с ногу взрослого человека на расстоянии, на которое не долетят стрелы

даже самого сильного лучника, внушили им боязливое удивление, а когда казаки продемонстрировали как одним взмахом сабли срубает немалой толщины ветку, а нож не тупится об дерева, вожди оценили преимущества стального оружия над используемыми алеутами костяными и каменными копьями, стрелами и булавами. Пылкое желание обладать такими же саблями и ножами охватило их. Благоклонно были приняты и другие русские товары: железные и чугунные изделия: котелки, пилы, иголки и многие другие. Из металлов алеуты имели знакомство только с медью, используя ее для украшений, но и ее было мало, изделия доставляли из глубин континента. В отличие от островитян живущие там народы владели искусством плавки. А при виде всевозможных тканей владивостокской выделки, в том числе сукна и войлока, каменные лица аборигенов утратили обычную выдержку. Они щупали их заскорузлыми пальцами, смотрели сквозь них на солнце, всячески демонстрируя заинтересованность. В тканях они явно испытывали дефицит.

В результате переговоров договорились о выкупе земли на 10 км вокруг гавани за одиннадцать, по числу вождей, стальных сабель и взаимной торговле. Дополнительно колонисты обязались помогать в отражении набегов воинственного народа колоши, проживающего на побережье континента и немало досаждавшего местным алеутам. Это было вовсе не опереточное воинство – воевать колоши умели и дрались отчаянно. К тому же многие из них были в панцирях – хотя и деревянных, но достаточно прочных, так что стрелы с копьями не брали их вообще.

Еще через день, небольшая эскадра подняла паруса и вышла из залива, оставив у пахнущего свежим деревом пирса несколько катеров, равно пригодных для рыбной ловли и охоты на бобра так и для путешествия на ближайшие острова или материк для торговли с аборигенами и картографирования местности. Провожаемая высыпавшими на пляж махающими руками колонистами, при крепком северо-западном ветре корабли вышли в открытое море и направились на запад-юго-запад. На берегу осталось окруженное рвом и поверх земляного вала высоким частоколом из мощных бревен, врытых в землю стоймя и заостренных сверху, первое постоянное русское поселение в Америке. Что внутри, за тыном, не видно, лишь торчит над бревнами верхушка церкви, пока еще без маковки, ее начали строить одной из первых. На зимовку до следующего года, когда из Владивостока и Петропавловска-Камчатского приплывут новые корабли, осталось больше четырехсот человек: мужчин, женщин и детей. В числе колонистов был батюшка Даниил, посланный на служение из Сунгаринской епархии, он же станет вести занятия в церковно-приходской школе, медикус и несколько механиков. А чтобы алеуты и немирные индейцы и не вздумали озоровать, с поселением на год осталось два отделения мастерградских пехотинцев во главе с сержантом Алексеем, впрочем, и сами колонисты были весьма зубаты. В каждой семье по две-три фузеи, а за валами укрыты пять стальных орудий.

Через месяц слегка потрепанная осенними бурями эскадра русских кораблей пришвартовалась в родном владивостокском порту. Петелин, передав радисту донесение об основании первой русской колонии на Алеутских островах, окунулся в привычные хлопоты. Не успеешь оглянуться и наступит лето, а вместе с ним из Петрограда придут клипера с новыми колонистами. На очереди Гавайские острова, Цусима и Окинава. Приличные участки земли для размещения колонии уже выкуплены у местных правителей. А еще через год придет время и для рывка на Хоккайдо, который японцы только начали колонизовать. Только вечером находилось время встретиться за ужином с младшим сыном.

Над искривленной яростным приполярным ветром горной тайгой совсем не по-осеннему пылало с темно-синего, ультрамаринового неба солнце. Растрепанные вершины арктических ив склонялись под влажным ветром. Низко опущенные ветви почти касались свежей, мокрой травы и изумрудной листвы кустарников внизу. Раздвинув ветки носом, показалась медвежья

морда. Прихрамывая на правую переднюю лапу огромный, почти полтора метра в холке бурый медведь: кадьак (подвид бурых медведей северной Америки. Один из самых крупных хищников в мире, живущий на одноименном острове и других островах кадьакского архипелага), неторопливо вышел на берег холодного и узкого ручья, текущего из заснеженных гор в глубине острова. Недовольно фыркнув, он перешел его вброд, отряхнулся по собачьи и ввалился в густые заросли малины на другом берегу, скрывшись в них почти полностью. На плече из бурой, свалывшейся комками и потемневшей от крови шерсти торчало обломанное древко копья. Пройдя всего несколько шагов гигант замер. Голова животного слегка откинулась назад. Ноздри чуткого носа едва заметно дрогнули, изучая пространство, дувший в морду ветер донес ненавистный запах голокожих. В глубине подслеповатых, как у всех медведей глаз, загорелась ярость, обнажились тронутые желтизной клыки. Хищник пригнулся и насторожился, продолжая вынюхивать воздух. Огромный зверь, весом полтонны, только в сказках – добродушный увалень, а на самом деле медведь силен, свиреп, ловок и умен, тем более такой большой как кадьак: страшный противник!

Осень богата на вкусную еду и особенно когда лосось чтобы продолжить род идет по речкам острова вверх. Три дня тому назад кадьак занимался привычным и любимым делом. На берегу мелководной реки – в самом центре своих диких, не знавших дыма и вони голокожих обширных владений, где небольшой порог перекрывал лососю путь в верховья, он стоял в засаде. Стоило глупой рыбе выпрыгнуть из воды, как взмах могучей когтистой лапы выбрасывал ее далеко на берег, где кадьак мог без помех полакомиться вкусной добычей. Он так увлекся тихой охотой что заметил людей только когда они подошли на несколько шагов. Инстинкт, доставшийся от далеких предков, и природная осторожность повелевали медведю держаться в стороне от пахнущих смертью голокожих, и он не хотел драться только сбежать от надоедливых людишек. Медведь встал на дыбы и, растопырив лапы, с ревом двинулся на прорыв мимо охотников. Возможно, это и спасло ему жизнь. Острие толстого копья, изготовленного из привезенного с материка дерева, не пробило сердце и лишь болезненно впилося в лапу. Отшвырнув словно тряпку одного из голокожих, он вырвался из круга врагов на волю.

Скрывшись от охотников, он занялся пробившим плотную шкуру предметом, но часть древка так и осталось в теле и рана, лишая спокойствия и постоянно напоминала о себе. Первое время он надеялся, что все пройдет, но с каждым днем боль только усиливалась, заставляя сожалеть, что не расправился с врагами. Боль, постоянная боль, терзавшая тело, и желание мести сводили обычно осторожного хищника с ума и напрочь лишали страха перед человеком, доводя хищника до отчаяния, и подранок стал способен на все. С тех пор он странствовал по острову, надеясь вновь встретиться с пахнущими дымом и смертью голокожими.

Он решил. Упруго и грациозно огромный бурый зверь перешел ручей назад и бесшумно исчез за стволами невысоких приполярных деревьев и кустарников.

Скупое северное солнце коснулось зеленой внизу и каменистой выше горы на горизонте и вечный снег на ее гребне засверкал ледяным серебром, когда показались голокожие. Впереди в сопровождении невысоких и лохматых собак двигались двое со странными короткими палками за спиной, совсем не похожие на тех, кто подранил кадьака. Позади – несколько людишек, с копьями в руках. Запах, ненавистный запах забивал ноздри, но медведь ждал. Подставляться под удары длинных палок в руках голокожих, столь больно жалящих шкуру он не хотел. Ветер дул от голокожих в морду зверю и собаки учуяли его только в нескольких шагах от ручья. Громко и хрипло залавая, боязливо попятнулись за спины хозяев, люди остановились, закурили головами, разглядывая кусты и чахлые деревья на противоположном берегу. Поняв, что обнаружен, прятанный медведь поднялся во весь рост, в холке выше малорослых аборигенов. Головастый, коричневая шерсть свалывалась в лохмотья, немигающие коричневые глазки не отрываются от людей, словно гипнотизируя. С угрозой смотрят на стоящего впереди Ивана.

Наклонив лобастую голову вперед, необычайно быстро для такого большого и обманчиво неуклюжего тела и бесшумно, словно сама смерть, кадык понесся на людей.

Время словно остановилось, мгновения потянулись тягучей патокой, сердце гулко забилося в груди, как всегда, когда жизнь висит на волоске. Одно дело слышать о гигантах Северной Америки: кадыках, совсем другое видеть собственными глазами мчащуюся на тебя в два раза большую по росту махину. Вбитые в подкорку рефлексy не подкачали. Готовились, если понадобится, дать отпор немирным находникам с континента, у части местных алеутов была война с племенем колоши, а тут зверь... да еще каких размеров. Как в руках Ивана оказалась 13 мм пневматическая винтовка – самое скорострельное после многоствольных картечных оружие, поставляемого Мастерградом в армию императора Петра, он не помнил. Миг и предохранитель снят. Резко отпрыгнул назад, одновременно вскидывая оружие и выцеливая голову хищника. Винтовка звонко захлопала, выплевывая 10 граммовые пули с начальной скоростью 200 м/с. Свинец впивался в тело, но не мог остановить стремительно приближающегося хищника.

«Бабах!» – громыхнул над ухом штуцер Василия Семеновича – розмысла горных дел, ученого в самом Мастерграде. Когда выходили из Екатерининской крепости – так назвали первое постоянное поселение в Северной Америке, сержант Алексей велел его хранить пуще собственного глаза. Землица американская богата на руды и золотишко есть вот только чтобы найти их нужен обученный розмысл. Полетел на землю разряженный штуцер, загрохотал вытащенный из кобуры револьвер. А не промах розмысл, молодец!

С ходу перемахнув ручей, прущая словно разогнавшийся паровоз машина убийства в нескольких метрах от людей с ревом поднялась на задние лапы, оказавшись выше самого высокого человека: под два с половиной метра. Разинул полную длинных клыков пасть, гнилостный запах из нее, как показалась людям, они почувствовали на расстоянии. От жуткого рева лес содрогнулся.

Подскочил алеут и ткнул копьем, но гигант лишь отмахнулся украшенной кинжалоподобными когтями лапой и человек отлетел в сторону, но это дало время русским успокоиться и поправить прицел. Пули полетели в морду зверя. То ли грохот стреляющего в упор револьвера и бьющее в морду пламя, то ли резкий пороховой запах и мельтешение людей, ошеломил зверя и тот на миг замешкался. От несколько револьверных и винтовочных пуль в голову зверь мучительно-жалобно взвыл и плашмя рухнул на землю в паре шагов от людей. Согнулся в дугу, могучие когти-кинжалы, заскребли по земле, он резко выпрямился и издох.

– Вот так Ваня, – хрипло сказал Иван, – еще немного и эта скотина тебя бы подрала и не увидел бы ты сына или дочь, – Супруга Прасковья, была на четвертом месяце беременности и когда он собирался в экспедицию, всю ночь проплакала. Словно в воду глядела. Нда... Воевал он уже давно, всякое видел, погибали его товарищи, он сам убивал, но сейчас его понастоящему проняло. Трясущимися руками достал из кармана трубку. Набив табаком, закурил, бездумно рассматривая, как алеуты подняли отброшенного медведем товарища, тот почти не пострадал, и, столпились вокруг поверженного гиганта. Напряжение по капле выходило из тела, когда он услышал сдавленный хрип. Еще не успев повернуться, он все понял. Из горла розмысла, еще подрагивая белыми перьями оперения, торчала стрела. На мокрую траву рухнул плашмя уже мертвый человек. Обжег страх, но лишь на краткий миг. В голове забились одна мысль: вцепиться в горло врага! Бить за все: за погибшего розмысла, за тот страх, который он только-что испытал, за всех погибших в разных войнах товарищей, которых было немало...

Отточенные службой в полку внутренней стражи рефлексy старого вояки не подвели.

Гаркнув:

– Засада, – рухнул на колено, дымящаяся трубка выпала в траву, а винтовка птицей взлетела к плечу.

Совсем рядом множество вооруженных людей, в прочных доспехах из деревянных палочек и планок, лица – жутковатые, расписаны алыми, похожими на потеки крови узорами,

высоко взбитые волосы обсыпаны орлиным пухом, на многих маски с мордами медведя или моржа, мчались вдоль ручья. Рты ощерены в устрашающих завываниях. Страшный, утробный, протяжный звук: «А-А-А!!!» разносился над водой и мокрой травой поймы. В руках зажаты длинные копыя, деревянные дубины и луки, метают на ходу стрелы. Это хозяева здешних мест: колоши. Дикари? Да, но отнюдь не опереточное воинство. Доспехи позволяли им не бояться каменного или медного оружия, а огнестрельное могло пробить их только вблизи. К тому же воевали они умело и отчаянно и играли на Аляске ту же роль что в далекие 90-е двадцатого века выполняли в русских городах банды рэкетиров: покоряли и «крышевали» многие окрестные племена, получая от них богатую дань мехами.

Собаки, реабилитируя себя за страх перед кадьком, с отчаянным лаем бросились навстречу врагу.

«Чпок» – 10 граммовый кусок свинца шибанул бегущего впереди высокого индейца в маску медведя в грудь, его отбросило на землю. Убит? Ранен? Не важно, ближайшее время не боец.

– Аааа! – резанул по нервам крик одного из «своих» алеутов. Видимо «поймал» стрелу или дротик.

«Чпок» – еще один колош получил пулю в лоб, крутанувшись на месте безмолвно рухнул на землю. Этот точно не жилец!

Стрела сильно ударила в плечо, слава богу по привычке одел под низ кольчугу, но прицел сбила и выстрел ушел в «молоко».

Следующий колош словил пулю в грудь, со сдавленным воплем упал на землю.

Все, пули к винтовке закончились, перезаряжать некогда. Правая рука выхватила револьвер, вскочил. Винтовка перекочевала в левую руку, на ее конце блеснуло острие граненого штыка. Колоши встречали обоеруких бойцов? Нет? Ваши проблемы!

Быстро огляделся.

В искусных руках колошей замелькали длинные копыя и дубинки. Не останавливаясь, перекололи собак. Нападающим оставалось совсем немного добежать, рукопашной схватки не избежать. Алеуты выставили копыя, сбились в тесную группу, готовясь дорого продать жизни. Один, пришипленный к земле дротиком ворочался, стонал, прижимая окровавленную ладонь к животу. Другой рукой царапал землю, пытаясь дотянуться до копыя. На миг повернул белое лица с широко открытыми глазами.

Лавина колошей захлестнула. Все, завертелась карусель! По пойме ручья понесся вой, рев, крики. Здоровенный индеец в маске сивуча с ревом вонзил в живот алеуты копые, перекинул через голову, словно пушинку. Так крестьяне во время сенокоса, через себя сено на копну забрасывают.

Навстречу бежал колош, невысокий, но необыкновенно широкий и могучий в плечах, с копыем в руках. Раскрашенное лицо перекошенное, жуткое, по подбородку тянется слюна. Шалишь! Это ты меня бояться должен! Индеец с разбегу ткнул копыем, но не попал. Иван заученно шагнул в сторону, рукой отбил древко.

– На! – в ответ со страшной силой ударил штыком в живот, но индеец оказался не промах, на ходу скрутил корпус. Бритвенно-острый штык лишь безвредно процарапал дерево доспеха.

Вооруженная револьвером рука почти прикоснулась к широкому и плоскому, расписанному кровавыми узорами лицу.

«Бах!» – полыхнуло пламя выстрела в упор, индейца смело словно кеглю в кегельбане.

Иван начал разворачиваться к новому противнику, но не успел. Как к нему сумели подбаться сзади, он так и не понял. От сильного удара по голове в глазах расцвели искры новогоднего салюта, а сознание милосердно покинуло его.

Если ранение в голову не убивает сразу, то выздоровление обычно наступает достаточно быстро. Сознание вернулось резко, одним рывком. Сначала он увидел пробивающийся сквозь

закрытые веки неяркий свет. Ужасно болела голова, словно у какого-то тартыги (тартыга– пьяница, древнерусское). Гораздо сильнее, чем после продолжавшейся три дня пьянки, когда он проставлялся перед сослуживцами по поводу увольнения из внутренней стражи, и еще почему-то запястья рук. Что с ним произошло? Где он? Белесые ресницы затрепетали, Иван с усилием открыл глаза. Вначале появились размытые силуэты непонятных предметов, но через несколько мгновений зрение пришло в норму.

Он лежал на боку на голой земле, в нескольких шагах от него лежало мертвое тело человека в мастерградской куртке. Лицо залито кровью, черты не разобрать, сорванная с черепа кожа обнажила окровавленное, красное мясо и обнаженные вены. Еще дальше в ряд лежали скальпированные тела мертвых алеутов, кровь успела пропитать и одежду и натечь алой лужей на землю. Это Василий Семенович! Их единственный розмысл, которого ему строго настрого велено беречь. Под ложечкой засосало, как, бывало, от пережитого страха и, стало подташнивать. Страшная боль сжала сердце. За время экспедиции они успели почти подружиться, а он не справился, не сумел...

Едкая горечь подступила к горлу. Он попытался повернуться и только тогда осознал, что руки и ноги связаны. Изо всех сил напрягся, но бесполезно, путы слишком крепкие и веревки не ослабели, а еще сильнее впились в тело. В результате всех усилий он лишь перевернулся на спину.

Солнце почти закатилось за горы вдали, его последние лучи разукрасили в алый, кровавый цвет и ледяные вершины и, широкую полосу неба на западе. Посреди огненного потока возникла фигура одетого в тяжелую деревянную кирасу человека. Слегка отливающая медью кожа изобличала в нем индейца. Высокий для туземцев, он имел развитую грудь и длинные мускулистые руки. Давний и глубокий шрам, разрезал продолговатое, сухое лицо с хищным орлиным носом на две неровные части: от левой щеки до правого виска. С невольной дрожью во всем теле Иван встретился с взглядом узких, но не так как у китайцев, мрачно горевших глаз. Пока ожидали отправки в Америку он успел насмотреться во Владивостоке выходцев из империи Цинь. Индеец смотрел безразлично, словно не на живого человека, а на вещь, на предмет. «Плен! Я попал в плен к дикарям!» Растерянность длилась буквально один миг, он вновь изо всех сил напряг мускулы, бесполезно, путы на руках слишком крепкие. Столь мучительного бессилия Иван в жизни не испытывал. Русский злобно сверкнул глазами, из горла вырвался схожий с рычанием сип.

Ткнув пальцем в грудь русского, индеец произнес что-то на каркающем языке с вопросительными интонациями.

– Не понимаю я по-вашему, – помотал головой Иван.

Индеец вновь что-то спросил, но русский вновь покачал головой. На лице калаша появилось брезгливое выражение. Пожав плечами, он приблизился к русскому, присел. Левая рука схватила за волосы, в правой блеснул сталью нож. Иван узнал его: это был его нож из доброй стали мастерградской работы, равно резавший и краюху хлеба, и горло вражине. Острое лезвие прижалось ко лбу, там, где он переходил в волосы на голове, укололо, тонкая теплая струйка потекла к виску. Иван вздрогнул, шумно задышал через нос, готовясь терпеть. «Неужели сейчас его будут заживо скальпировать?» Сердце застучало гулко, его биение отдавалась в ушах адским колоколом. Мучитель заметил волнение пленника, злорадно оскалился и вперил взгляд в глаза русского. Он хотел видеть, как там появиться смертельный ужас, как жизнь по капле станет уходить из пленника.

Иван успел пожить на белом свете и повидал такое, что обычному человеку даже не представить и давно был готов ко всякому, и к смерти тоже, и единственное, на что он всегда надеялся, что судьба подарит ему возможность умереть достойно. Человеком, а не тварью дрожащей. Каждый, кто родился, должен умереть, вопрос только как? Как тебя станут вспоминать люди? «Ладно урод! Увидишь вражина, как умирает ветеран шведской и турецкой войны рус-

ский солдат Иван Самойлов!» Зубы скрипнули, с них, кажется, посыпалась эмаль, пальцы сжались в кулаки так, что побелели костяшки. Иван с вызовом посмотрел в глаза палача. Говорят, что в последние мгновения жизни обреченный на смерть человек вспоминает всю свою прошлую жизнь. Ему не вспомнилось, только было немного жаль жену и нерожденного ребенка. Он так надеялся потетешкаться с сыном... Рука колоша слегка дрогнула, новая струйка крови потекла по лицу, в прищуренных глазах индейца мелькнуло невольное уважение.

Громкий, на грани истерики, женский крик заставил индейца недовольно поморщиться. Подняв голову, ответить с ироническими интонациями на каркающем языке.

Иван скосил затуманенный болью взгляд. Юная и невероятно красивая для своего племени индианка с черными как смола волосами стояла с видом оскорбленной королевы. Махнув остренькими кулачками, уставилась на колоша сверлящим взглядом и, требовательно произнесла еще раз. Девочка явно была сильно возбуждена, глазки сверкают, щеки горят. Кого-то она напомнила ему, но кого?

Впервые на лице колоша появилась тень волнения, он выпрямился над телом русского, нож в опущенной руке пустил зайчик в глаза Ивана, заставив повернуть голову. Индеец раздраженно рявкнул в ответ.

Индианка ткнула пальцем в лежащего на траве связанного русского, дрожа от волнения произнесла что-то, затем показала на себя и отрицательно покрутила пальцем.

Колош явно колебался, обернувшись к кому-то невидимому, девушка произнесла ровно и бесстрастно.

Индеец побелел от гнева, но сдержался и промолчал.

Иван наконец вспомнил, где видел девушку. Не удивительно что в первый момент он ее не узнал. Куда девалась испуганная девочка, которая простодушно удивлялась странной жизни белых? Перед колошем стояла уверенная в своих силах госпожа. Помогли сверкавшие на шее разноцветными звездочками стеклянные бусы. Знатную индианку из кекувских колошей (так русские называли колошей куана Кэйк) держал в аманатах (заложниках) Хайды, главный вождь острова. Русские выкупили ее и некоторое время она прожила в Екатерининской крепости. Ивану девушка понравилась, нет не как женщина. Чем-то неуловимым, нет, не внешностью, характером напоминала ему старшую дочь. Через неделю Иван возглавил первую экспедицию на материк. В знак доброй воли подарив напоследок бусы, ее передали родственникам.

Девушка перевела глаза на индейца и молча мерила его взглядом. Колош безнадежно махнул рукой, потом гневно рявкнул и наклонился. Блеснул, разрезая пути, нож. Потирая затекшие руки, русский с трудом поднялся и огляделся. Вокруг столпилось пара десятков индейских воинов. Без огнестрела сопротивление без шансов. Индеец подал нож рукоятью вперед, Иван немного поколебался, потом нож, словно влитой, лег в мозолистую ладонь. Оружие, даже такое слабое, придало уверенность.

Девушка подошла поближе.

– Ты, – произнесла, смешно коверкая слова, – иди.

Иван молча кивнул:

– Спасибо, – не обращая внимания на бесстрастно глядящих на него индейцев и, ни разу не обернувшись, двинулся в сторону от гор. Он все ожидал что в спину вонзится индейская стрела и только когда расстояние между ним и колошами превысило дальность стрельбы из лука, напряженные мышцы спины расслабились и из груди выдался облегченный выдох. Костлявая снова промахнулась. Он вдруг заметил лучи заходящего солнца, сверкающие льдом вершины на горизонте. Деревья никогда не казались ему такими зелеными, Жизнь –такой желанной. Он хотел видеть, слышать, жить и любить...

На четвертые сутки алеуты доставили к Екатерининской крепости истощенного и обрванного, но живого человека, в котором с большим трудом узнали лихого вояку, насмешника и, несмотря на возраст, любителя потаскаться за бабами: Ивана Самойлова.

Глава 2

Страшный рассказ Ивана Самойлова о приключениях и гибели его отряда произвел эффект вставленной неосторожным прохожим в лесной муравейник палки. Подтвердилась доставленная из двадцать первого века информация, что у колонии очень хлопотные и неудобные соседи. В погоне за славой и добычей отряды молодых воинов-колошей, рыскали по всему юго-востоку Аляски, атакуя небольшие поселения аборигенов и отряды охотников, а теперь очередь дошла до нападения на русский отряд. Колонисты и раньше знали о разбойничьем нраве этого племени: не дашь вовремя отпор, словно волки станут приходить снова и снова пока не вынудят или уйти с Аляски или истребить половину племени, поэтому как ответить на набег колошей почти не обсуждалась.

Алексей как старший по воинскому званию среди новоархангельцев возглавил карательный поход против разбойников. Сил собрали достаточно: почти шестьдесят добровольцев, вооруженных дальнобойными казнозарядными штуцерами и револьверами, все в добрых кольчугах при двух стальных пушках: главной огневой силой внушительного по местным меркам отряда. Уже несколько лет как Мастерград поставлял в императорскую армию легкие разборные трехдюймовые горные орудия, перевозимые во вьюках лошадьми и быстро переводимые в боевое положение силами расчета. Правда с собой получилось взять только двоих мастерградцев, остальные остались для охраны поселения.

Через три дня русский отряд высадился с катеров на каменистый, покрытый серой, гладко окатанной вечно бившими в материк волнами галькой, пляж. Глубина была недостаточной и к берегу пришлось идти на шлюпках. Остро и свежо пахло гниющими водорослями и йодом, вечный шум моря перебивали возгласы ополченцев и недоуменные крики чаек, никогда не выдавших таких визитеров. Два дня в море бушевал шторм и лишь утром он угомонился, но небо оставалось хмурым, громады серых, осенних туч стремительно неслись куда-то на запад, вглубь материка. На следующий день к русским присоединились союзные алеуты: почти триста воинов с Кадьяка и прилегающих к нему островов, уже оценившие выгоду соседства русских. Это и железные орудия и, ткани владивостокской выделки. К тому же давние распри и обиды давали достаточно поводов алеутам чтобы присоединиться к походу против старинного врага.

После соединения с алеутами отряд направился к ближайшему селению одного из куанов (части племени) колошей: ситка. По узкой, усыпанной желто-зеленой хвоей лесной тропе, петляющей параллельно впадавшей в океан неширокой, что называется воробью по колено, речушке, торопливо двигался караван русского отряда. Вокруг было не то великолепие, которое гениально описал Фенимор Купер: обширные девственные плодородные земли запада Северной Америки, покрытые дремучими лесами: таинственными и дикими, северная природа Аляски гораздо скромнее, но она потрясала. По голубому, совсем не осеннему небу, ветер гнал белоснежные тучи, цепляющиеся за сверкающие в солнечных лучах льды на вершинах гор в глубине континента, размахивал покрытыми яркими: красными, желтыми листьями ветками деревьев. Над отрядом словно привязанный, словно крылатый разведчик индейцев кружил коршун. Военные отряды, передвигающиеся по своим делам не редкость для этих мест, вот только такого, с огнестрельным оружием и тактикой на тысячелетия опередившей аборигенов, никто здесь не видел. Алексей шагал где-то посередине длинной колонны ополченцев. Позади следовали отряды алеутов. Ноздри щекотал пряный запах перепревшей хвои и воды. Шли молча, берегли дыхание. Каждый кроме личного оружия и кольчуги нагружен тяжелым вещмешком с припасами: вес, не один десяток килограммов. Вот когда Алексей с благодарностью вспомнил сержанта Чернова из учебки, заставлявшего новобранцев ежедневно бегать кроссы. Закалка помогла, в отличие от большинства ополченцев, в «обычной» жизни рыбаков,

охотников на морского зверя и огородников, он двигался все так же легко, как и вначале марша. Тем более не уставали скрытно передвигавшиеся впереди разведчики-алеуты. Колоши были мастерами лесной войны, внезапное нападение на ничего не подозревающего противника было их любимым военным приемом. Несмотря на то, что с дисциплиной у них было откровенно плохо, но неплохое по местным меркам защитное снаряжение: толстые деревянные кирасы и прочные шлемы и, самое главное, свирепость в бою, делало их страшными противниками. Так что двигались настороже, в готовности в любую минуту к внезапному бою.

Надвигался вечер, а до селения колошей по словам проводника-алеута еще километров пять. Поднявшись на гребень холма, чуть более высокого, чем другие, Алексей постоял с минуту, разглядывая местность впереди. Пожалуй, все три важнейших ресурса для развертывания лагеря – вода, топливо, корм для тащивших разобранные орудия лошадей в наличии. Подходящее место для ночевки. Две группы алеутов-разведчиков выдвинулись обследовать окрестности, а русские бойцы занялись обустройством лагеря. Гулко и торопливо застучали топоры, выстругивая колья для рогаток, вкусный запах дыма и готовящейся каши поплыл над холмом.

Долгая дорога неплохо способствовала разжиганию аппетита. Алексей совместно с двумя другими мастерградцами активно черпал деревянной ложкой из котелка сваренный с мясом жидкий кулеш, когда к их костру подошел вождь союзников-алеутов с переводчиком.

Вождь Аноклош давно миновал пору юности, разрисованное боевой раскраской морщинистое лицо бесстрастно, словно у идола. Несмотря на возраст, плечи все так же широки, в движениях могучего тела не видно ни единого следа усталости.

– Присаживайся, вождь! – вежливо произнес Алексей и показал рукой место рядом с собой, – ужинать будешь?

– Я приветствую белого вождя, – величественно, словно на королевском приеме, произнес индеец. Не став церемониться, достал откуда-то из глубин одежды уселся у потрескивающего рдеющими в наступивших сумерках угольками костра, – за угощением и разговор пойдет веселее.

Ужинали в молчании, только когда котелок показал дно, вождь произнес бесстрастно:

– Колоши знают о нас, они собрали силы со всех окрестных селений и нас поджидают не меньше шестисот-семисот воинов. Это большая сила... – алеут внимательно посмотрел на собеседника, – Они страшный противник и свирепы в бою. Нужно быть настороже чтобы не дать себя обмануть.

– Ну что же, – философски произнес Алексей, – чем больше их будет, тем сильнее мы их ослабим.

Вечер был прохладный, от леса несло терпким запахом хвои. Когда закат отпламенел и люди поужинали, русский лагерь, оставив на охрану усиленные посты, уснул. Алексею не спалось. Шутка ли он командует походом. Перестав ворочаться на накрытых шкурой мягких еловых ветках, он поднялся, поплотнее запахнул бушлат и закинул автомат за спину. Ночь окутала землю, тьму нарушали лишь огоньки костров, да световое пятно от прожектора лениво скользило по окружавшим место ночевки сцепленным между собой рогаткам, потом дальше. Ветер гнул, качал ветки окружавших холм хмурых деревьев, отчего казалось, что там прячется некто, не спускающий с русского бивуака недоброго взгляда. Изредка покрикивали одинокие ночные птицы, над головами беззвучно пронеслись летучие мыши, да звякали недоуздками, всхрапывали тащившие пушки кони. Откуда-то с краю лагеря явственно доносился хриплый голос, должно быть, кострового. Алексей собрался было проверить караульных, но донеслось:

– ... Ага, пытаются немилосердно. А еще любят с живого человека волосы вместе с кожей снимать. Чем больше калош людей погубил мученической смертью, тем больше ему уважения в племени. Вот так-то!

Алексей повернулся. У края лагеря неярко горел костер, голоса доносились именно оттуда. Ветер донес испуганный крик птицы, не иначе хищница-сова погубила еще одну птичью душу.

– Страсти то какие! – ответил молодой голос, – а зачем им это? Христос не велел человека без причины мучить, грех это смертный!

– Эх, темнота! – ответил первый голос, – у них у кого больше скальпов, тот считается самым смелым в племени, ему самый почет и уважение! А христовы заповеди они не соблюдают. Что им они? Они же поганые, Христа не ведают, молятся своим богам, которые суть черти! Тьфу! – смачно сплюнул на землю, – так что свезло Ивану Самойлову несказанно! Не иначе как на небе у него крепкий заступник.

Хотя ни в бога, ни в аллаха, Алексей особо не верил, но разговор заинтересовал его. Он подошел к костру. Двое, ополченец средних лет, матерый, с окладистой бородой, сразу видно бывалый и совсем молоденький, едва ли пользовался бритвой, негромко разговаривали. Вокруг, улегшись прямо на покрытой еловым лапником земле, тихо выводили рулады бойцы, рядом, рукой достать, штуцера. Не на своей земле, на вражеской, беречься нужно.

Увидев Алексея, матерый оживился:

– Вот скажи, сударь, – произнес с наглой московской развальдой, – нехристи, как только поймают православного человека так без всякой вины пытаются и живота лишают! Сударь, ты человек ученый, в самом Мастерграде учен, рассуди, верно я говорю?

Алексей только раскрыл рот чтобы ответить, как ночная тишина разорвалась в клочья.

«Бабах!» – словно раскат грома звонко хлестанул ружейный выстрел, распугивая ночных обитателей тайги. Он словно прослужил сигналом: со всех сторон донеслись дикие крики, визги, через несколько суматошных ударов сердца какофония дополнилась беспорядочной трескотней ружейной пальбы караула и костровых.

Заметающаяся вдоль рогаток световое пятно прожектора выхватывало из ночной тьмы десятки теней, с луками, пращами и короткими копьями в руках, со всех сторон в лагерь летели стрелы, увесистые камни и копья. Часть индейцев, лихорадочно работая ножами пыталась растащить колья, чтобы ворваться в лагерь. Затянутое тучами небо темно и дальше все тонуло во враждебном мраке.

Замешательство длилось лишь миг, Алексей метнул тяжелый автомат из-за спины в руки, одновременно гаркая:

– Барабанщик, боевая тревога!

Снимая с предохранителя, стремительно рухнул на колени. Больно ударился коленкой, плевать, не до этого! Вскинул автомат, одновременно выискивая цель. Мельком, но страшно ясно, так что запомнилось на всю жизнь, увидел: за рогатками индеец в маске сивуча раз за разом вскидывал лук, стрелы уносились по параболе внутрь лагеря.

«Бах!» – расцвел на конце «калашникова» ярко-желтый смертоносный цветок. Пуля ударила в живот индейца. Согнулся, словно его ударило твердое лошадиное копыто, пошатнувшись, рухнул плашмя на землю. Против огнестрела двадцать первого века деревянные доспехи слабоваты...

Алексей злобно оскалился и оглянулся. Вокруг сушая преисподняя, ночное нападение страшно даже кадровому подразделению, а в поход выступили ополченцы, у многих нет воинского опыта. Спасала то, что не менее половины: видевшие Крым и рым казаки – ветераны пекинского похода. Слышны тяжелые шаги бегущих людей. В неверном свете факелов мечутся с криками люди, командуют десятники, часть ополченцев стреляет в окружающую лагерь тьму и высвеченных прожектором индейцев. Увесистый камень со свистом влетел в грудь кострового, того, что постарше и понаглее. Ополченец рухнул, заворочался, пытаясь подняться, на земле.

«Мое дело командовать, а не стрелять.» Глаза еще совсем молодого парня, отправленного главным в такой важный поход, нетерпеливо блеснули. «На турецкую и шведскую войну не успел, но пришлось повоевать с пиратами. Зато учили его военному делу хорошо, и он был полон решимости показать все, на что он способен».

– Мать вашу, где барабанщик? – закричал не своим голосом. Это помогло. Сквозь неразбериху лагеря пробился казачонок Максимка, на черном словно гуталин лице горят азартом круглые, темные глаза, руки твердо сжимают деревянные палочки, на боку белеет натянутой кожей верный друг барабан. Маленького негритенка три года тому назад отбили у пиратов мастерградцы. Мальчишка прижился у русских поселенцев Дальнего Востока и, вместе с ними отправился осваивать далекую Америку, став чем-то вроде сына полка. Алексей никогда не понимал почему мастерградцы старшего возраста прозвали негритенка Максимкой и, называя его так, каждый раз смеялись и подшучивали над мальчишкой. (попаданцы вспоминали героя «Морских рассказов» Константина Станюковича – негритенка, прозванного русскими матросами Максимкой).

– Я здесь!

– Сигнал все ко мне!

– Есть!

Замелькали палочки, тревожно зарокотал барабан: Трам-тарарам, трам-тарарам, – понеслось по лагерю, перекрывая крики индейцев и грохот частой ружейной пальбы.

«Где же артиллеристы?» Он обернулся к окраинам лагеря, где стояли орудия. «Ну же, ироды!»

«Бабах!» – длинный язык пламени протянулся к рогаткам, на миг высветив орудия и суеющихся вокруг них артиллеристов, тяжело рвануло по ушам. Свирепо прошипела картечь. И тут же сразу снова: «Бабах!» Не успело эхо затихнуть, как множество одетых в деревянные доспехи фигур рухнуло на землю.

«Молодцы!», он торопливо оглянулся, на зов барабана примчались не меньше трех десятков ополченцев. Лица озверевшие, в руках крепко зажато оружие.

– Огонь по готовности! Огонь!

«Бах!», «Бах!» «Бах!» – в ответ нестройно зачастили штуцера, «Бабах!» – грозно рявкнули, выплевывая картечь и вновь собирая щедрый урожай раненых и убитых колошей, пушки.

Надрывая душу, трещал барабан. Заглушая все прочие шумы, взревела толпа где-то за спиной штурмующих. Кто это? Точно, союзники-алеуты!

– Прекратить стрельбу.

Нападение союзников русских стало для колошей сигналом к отступлению. Исчезли они так же внезапно, как и появились.

До восхода солнца лагерь так и не заснул, разбирались в ущербе, нанесенном коварным противником. К счастью каменные и костяные острия копий и стрел индейцев не смогли пробить стальные кольчуги русских, пятеро человек получили незначительные порезы и ушибы, не повлиявшие на их боеспособность и, одному ополченцу прилетело булыжником по голове. Так что отделались легко.

Утром погода испортилась, солнце нехотя вернулось на хмурое небо – индейское лето закончилось. Обследовавшие окрестности ополченцы нашли почти четыре десятка трупов, большая часть погибла от картечи. Там русских ждало первое потрясение. Судя по следам от ударов копьями на телах, тяжелораненых индейцев добились собственные соплеменники. Мужики торопливо крестились. Нехристи, что с них взять. Если так со своими поступают, так что сделают, попадись им в плен русский? Жуть.

После торопливо завтрака собрали лагерь. До селения колошей осталось совсем немного: должны были дойти к обеду. Отправив вперед и по бокам колонны разведчиков-алеутов, осторожно двинулись дальше по петляющей между стволами деревьев узкой охотничьей тропе.

Изредка дорожка приближалась к реке, тогда между стволов деревьев виднелась неспешно текущая к морю потемневшая, осенняя вода. Как и вчера, Алексей шел посередине колонны, сразу за нагруженными орудиями лошадьми, изредка он с опаской поглядывал на небо. Хмурые деревья, мимо которых шел отряд, провожали недобрыми взглядами, словно вторя недобрым мыслям Алексея. Перед походом пришла радиограмма из Владивостока, его Милю госпитализировали в больницу, беременность проходила с осложнением. Сержант протяжно вздохнул, и вытащив из кармана сигарету, на ходу прикурил.

Ближе к обеду прилетел ветер с севера: он срывал с нахохлившихся деревьев осенние желтые листья, тянул с запада потемневшие тучи, потянуло холодом. Река, взлохмаченная ветром, кидала на берега частые волны. «Лишь бы не дождь. Мне с автоматом без разницы, а ополченцам может намочить порох...»

Все произошло, когда до цели похода оставалось не больше километра. Лес внезапно закончился и отряд выбрался на галечный берег реки. В полукилометре на запад, там, где река образовывала излучину и селение с трех сторон было защищено естественной преградой, виднелись деревянные стены с торчащими над ними длинными двускатными крышами нескольких домов. Над одним – в потемневшее небо вился жидкий дымок. Из открытых ворот выливались отряды воинов с боевой окраской на лицах. В руках длинные щиты, тела прикрывали деревянные кирасы. Колоши решились на генеральное сражение.

– Стой, – крикнул, поднимая руку в перчатке с обрезанными пальцами Алексей, – стройся в две шеренги на опушке, собрать орудия! – он оглянулся, – Максимка!

Казаченок, словно чертик из шкатулки, выбрался из-за спин ополченцев, черное, блестящее от пота лицо деланно-спокойное, ждет приказов старшего.

– Играй тревогу!

Молниями замелькали деревянные палочки в руках парнишки, звонко, перебивая вой усилившегося ветра в деревьях затрещал барабан. Вперед выскочили десятники, на ходу опускающая со шлемов стальные личины (личина – часть шлема в виде металлической маски), превращавшие их в подобие робокопа. Оставшийся с времен до переноса фильм с таким названием Алексей видел в клубе. Он не понравился, но неожиданно запомнился. Пронзительные и грозные команды, сопровождаемые отеческими подзатыльниками, эхом пронесли над опушкой. Через десяток наполненных суетой ударов сердца недлинный, но плотный двухшереножный строй, ошетилившись гранеными штыками, застыл между кустов опушки, первый ряд на колене. В центре артиллеристы, сгрузив на землю части орудий, лихорадочно собирали их. Союзники-алеуты остались в лесу, прикрывать фланги. На офицерском факультете мастерградской Академии собрались лучшие тактики города. Еще в прошлом, 1705 году состоялась штабная игра с моделированием полевого боя с индейцами. По ее итогам «академики» в погонах сошлись на единодушной рекомендации поселенцам в Америке: сражаться от обороны и в полевых укреплениях, а при встречном бое применять двухшереножный строй стрелков. Он позволял использовать преимущества дальнобойного огнестрельного оружия и в то же время стоя с изготовленным к рукопашному бою оружием встречать прорвавшихся врагов.

Колоши не торопились. Вытянулись стеной щитов в подковообразное построение, вогнутой стороной к русским, не меньше семи-восьми сотен. По неслышному сигналу строй заколебался, потекли вперед от стен селения, с каждым шагом набирая скорость и грозя одним численным превосходством затоптать тонкую шеренгу русских.

Уже отчетливо были видны страшные личины демонов и зверей, прикрывавшие лица индейцев – метров триста, когда главный артиллерист, повернув багровое лицо к Алексею, доложил, чуть задыхаясь от волнения:

– Готовы товарищ сержант!

– Огонь по готовности! – крикнул Алексей. Адреналин даже не бурлил, кипел в жилах.

Бомбардиры спешно ткнули тлеющими пальниками в затравочные отверстия.

«Бабах» – грозно рыкнули пушчонки. Подпрыгнув от отдачи, выплюнули облака порохового вонючего дыма и метнули пчелиный рой картечи. Чугунные пули врезались в строй индейцев, круша, ломая, разрывая в клочья человеческие тела, создавая в плотной людской массе окровавленные просеки. Новые картузы с зарядами картечи отправились в стволы.

«Бабах» снова подпрыгнули пушчонки, отправляя навстречу врагу картечные подарки. К этому времени стена колошей подбежала на дистанцию двести метров. Из сотен глоток одновременно вырвался дикий вой. Строй индейцев смешался. Плотная человеческая масса, потрясая пиками и палицами, ринулась вперед, грозя захлестнуть куцую шеренгу стрелков и горстку артиллеристов. Это было поистине страшно, казалось, колошам безразлична гибель товарищей и неведом страх смерти.

– Стрелки! – заорал Алексей, падая на коленку и скидывая автомат, – Огонь по готовности!

Выцелил индейца.

«Так- так» – на конце автомата расцвел огненный цветок пороховых газов.

«Бах-бах-бах» хлестнул по наступающим недружный залп. В плотном строю пули навывлет пробивали по два, три тела, окровавленные раненые и мертвые падали десятками, но и это не останавливало индейцев, а лишь заставляло еще яростнее орать боевой клич.

Краткий промежуток и вновь:

«Бах-бах-бах», нестройно отстрелялись штуцера, вырывая богатую жатву из прутьев, словно наскипидаренная, дико воющей толпы индейских воинов. На ходу начали метать стрелы.

– Ай, – донеслось справа, видимо задело, но Алексею некогда даже посмотреть.

Когда до колошей осталось метров пятьдесят, он изо всех сил крикнул:

– Первая шеренга гранатами огонь!

Первый ряд метнул, десятки рифленых гранат полетели под ноги индейцам, не успели они взорваться, как Алексей вновь взревел:

– Вторая шеренга гранатами огонь!

Бойцы из второй линии вскочили. В это время рванули гранаты. Адский грохот. Сплошная череда взрывов подняла в небо тучу пыли и дыма. И отчаянный, заходящийся многоголосый предсмертный крик, даже вой оттуда.

Перехватив автомат в левую руку, Алексей вытащил чеку и, изо всех сил бросил рифленый мячик гранаты, целясь в неосевшую пыль. Следом полетели новые десятки гранат. Новые взрывы ударили оглушительно, вырвав из земли огненно-дымовые фонтаны, новый предсмертный вой.

Все дальнейшее происходило очень быстро. Из дыма вырвался колош с окровавленным лицом с длинным, метра два, копьем в руках.

Автомат взлетел к плечу, палец нажал на спусковой крючок. Но вместо выстрела осечка, а индеец, всего в трех шагах, уже выкидывает копьё, целясь в грудь Алексея. Тело сработало само, сказались сотни тренировок, прочно вбившие боевые рефлексy в голову. Он развернулся на каблуках, так что тело повернулось боком, а острие копья бессильно проскрежетало по одежде под одежду пластинчатой броне. По инерции индеец проскочил вперед и оказался перед Алексеем. Руки с автоматом изо всех сил распрямились, магазин врезался в нос врага. Тот, словно сбитый ударом копыта, полетел на землю. Судя по неестественно вывернутой шее, он уже в краях Доброй Охоты, празднует встречу с индейским Великим Духом.

Еще несколько колошей выскочили из дыма на строй стрелков, их дружно приняли на граненые штыки. На поле боя остались сотни трупов и раненных, но основная часть грозного войска индейцев превратилось в толпу перепуганных дикарей. Последний «сюрприз» русских сломал некогда непобедимых колошей. Те, кто выжил или получил легкие ранения, толкаясь и давя друг дружку, бросились под защиту стен селения. Союзники-алеуты не выдержали. Из

леса с грозными криками вывалилась потрясающая пиками и стальными томагавками толпа и бросилась в погоню за беглецами.

Через полчаса, когда вернулись индейцы-алеуты, обремененные свежими, окровавленными скальпами, трофейным оружием и одеждой, отряд русских неспешно направился по разбитому множеством ног в грязь лугу к поселку калошей. Позади двигалась нестройная толпа алеутов. Мерно трещал барабан, перебивая вой усилившегося ветра. У горизонта стеной стоял лес, словно нарисованный тушью, пониже низкого, рыхлого неба.

– Хорошая война, – бесстрастно заметил идущий рядом с Алексеем вождь Аноклош. Когда алеуты кинулись преследовать разбитое войско колошей, он не последовал за своими воинами, возраст не позволял бегать так же быстро, как молодые соплеменникам, – воины довольны, много славы, много добычи и мало раненых.

– Я тебе обещал, что так и будет, – ответил мастерградец, вытаскивая завязшую в грязи ногу, деревянные стены крепости колошей приближались.

Вождь промолчал, только подумал, что с союзниками, так легко раздавившими непобедимых колошей, нужно быть честными. Хотя их военный вождь очень юн, но благодаря огненным палкам он непобедим.

Отряд подошел к поселку, остановился в двухстах метрах, на стенах безлюдно. Неожиданно со стороны крепости послышалось унылое пение. Сначала можно было разобрать индейское «у-у-у», оно повторилось несколько раз. Заплакали дети и как будто женщины, потом все перекрыл грохот индейских музыкальных инструментов, наподобие барабанов.

– Что это? – повернулся к вождю русский предводитель.

– Колоши зывают к духам, просят спасти их от нашего гнева.

– Пусть шаманят, им ничего теперь не поможет, – криво усмехнулся Алексей, – нам такие соседи как колоши, не нужны.

Упряжки выкатились перед строем русских, развернулись дулами к деревянным стенам, над крепостью кружило множество ворон, словно предчувствуя скорую поживу. Для острстки индейцев, чтобы не попытались совершить вылазку, стрелки стояли со штуцерами наготове, но никакого ответа со стороны индейцев не последовало. Пушкари подскочили, споро (ловко, быстро) отцепили орудия, прочистили дула, зарядили, отскочили – двое к колесам, третий присел с фитилем. Обернулись. Главный артиллерист махнул саблей.

«Бабах» – в вое ветра грохнул залп, ядра свирепо просвистели, ударили в основание стены. Полетели щепы, несколько сосновых бревен влетело внутрь.

Пушкари поправили прицел. Вновь, подпрыгнув от отдачи, рывкнули пушки, выплюнув вонючие облака порохового дыма. С треском рухнули новые бревна, в стене образовались дыры, достаточные чтобы проникнуть внутрь беззащитного поселения. Воины-алеуты разразились ликующими, неистовыми криками. Дорога открыта. Вождь Аноклош выскочил вперед, гаркнул по-своему, взмахнув руками. Раздался новый воинственный крик сотен голосов. Огромная толпа размалеванных алеутов, на ходу размахивая копьями и стальными томагавками ринулась к стенам крепости.

Через час, когда начало по-осеннему темнеть, все закончилось. Оставив после себя дымно полыхающую крепость тяжело груженные мешками с невиданно богатой добычей, алеуты вернулись. Поступили по уговору: все добытое поделили поровну, русским досталось более пятисот шкурок морских бобров и других мехов, два десятка испуганных молодых женщин и полтора десятка плачущих мальцов, обоего пола, возрастом от двух лет до пяти. Для чего лишние рты русским, алеуты так и не поняли, но раз они нужны союзникам, то почему бы и не угодить им? Пленников было мало, колоши сами перерезали часть женщин и детей, лишь бы они не попали в плен.

Карательный рейд русско-алеутского отряда по побережью Аляски длился еще месяц, пока ночной лед в лужах не перестал таять даже днем. Больше десятка укрепленных селений

колошей сгорело, их жители или погибли или стали пленниками. Устрашенные куаны колошей бежали вглубь континента, где затаились, не в силах противостоять в открытом бою русским и их союзникам алеутам.

Над теряющимися в утренней дымке хмурыми девственными дебрями высунулся узкий краешек солнца, забрызгав кровавыми лучами горные ледники на западе – в глубине континента и большую пустошь вдоль холодной реки, бегущей с Аляскинского хребта к далекому океану. Посредине пустоши расположился военный лагерь: несколько десятков пирамидальных палаток из шкур, в углу сутились индианки в теплых кожаных куртках и мокасинах. Под чугунными котлами, подарком новых союзников, уютно горел огонь, вкусный дымок разносился ветром по всему лагерю, заставляя голодно бурчать желудки. Перед строем съжившихся под утренним, холодным ветром юношей-колошей: почти сотня воинов, стоял широкоплечий и высокий, неприятного вида человек с приплюснутым носом, словно по нему не раз приходились добрые удары кулака. Он один в один походил на страшных врагов – русских: кожа почти такая же белая, а черты лица не похожи на индейские, в руке ловко крутилась маленькая палка с искусно вырезанными узорами. Только был он совсем не русский, а посланник новых союзников колошей: навахо. Одет также как и новобранцы: в непривычную, выданную пришельцами одежду, странного, пятнистого цвета, где зеленые как хвоя пятна чередовались с черными. Во взгляде пришельца, когда он смотрел на строй колошей стыло презрение, словно перед ним не юные, но уже крепкие и закаленные воины, а презренные рабы. Юноши крепко сжимали кулаки и шумно дышали. Вот бы одним ударом стереть мерзкое выражение с лица задаваки-навахо! Но нельзя, чтобы отомстить русским и вернуться на привычные места обитания: побережье океана, племя заключило с навахо союз и вожди строго-настрога приказали учиться у пришельцев. Рядом с ним и немного позади – невысокий человек, явно индеец с лицом важным и неподвижным словно у анкау-глен (великий вождь): переводчик. Позади несколько навахо со странными палками за спиной. Те юные колоши, кому «посчастливилось» столкнуться в бою с русскими, опознали в них громовые палки. Черные глаза белого пробежали по строю, губы скривились в пренебрежительной ухмылке. Хрипло крикнул, за ним эхом повторил слова переводчик:

– Слушать меня, пока будете обучаться в моем лагере, я ваш вождь, отец, мать все вместе... Я мастер-сержант Карлос. Ко мне и к любому из моих помощников обращаться сэр! Раз вы сами не смогли надрать задницу презренным белокожим, значит мы научим вас как это делать. Есть из вас кто считает себя настоящим воином? Ну? Хоть один тут есть, кто сможет без оружия одолеть меня? Шаг вперед!

Наступило короткое молчание, потом строй шагнул почти одновременно. У юного воина-колоша уже с трехлетнего возраста воспитывали волю, заставляя купаться в зимнем море и без звука выдерживать публичные бичевания розгами.

Черные глаза пробежали по строю, белокожий довольно хохотнул.

– Сотня против одного, – произнес он с таким видом, словно хотел обвинить колошей в трусости, отчего лица выдержанных индейцев вспыхнули все до одного. Такое поношение, да еще под взглядами женщин и девушек! – неужели необходимо сотню колошей чтобы сражаться с одним навахо? – Он укоризненно покачал головой, – это многовато, выберете троих, остальные шаг назад.

Через минуту перед хвастливым навахо стояли трое юношей, фратрии Ворона (часть племени колошей) известных выдающейся для своего возраста силой.

– Ну что же, и среди вас есть смелые люди... Значит вы не так уж и безнадежны.

Палка навахо глухо ударилась о замерзшую землю, покатилась по подернутой льдом луже. Кулаки поднялись к массивному подбородку, а правая нога отступила на шаг назад:

– Нападайте!

Юные бойцы ринулись на ненавистного насмешника одновременно, но в последний момент, когда передовой колош был готов схватить навахо, тот одним быстрым и ловким движением, ускользнул с их пути.

Колоши столкнулись, а мастер-сержант Карлос подпрыгнул, поворачиваясь влево. Правая нога хлестко нанесла последнему юноше в куче-мале высокий круговой удар.

Тот отлетел на землю, словно сбитый ударом тяжелой боевой палицы.

Дальнейший бой длился несколько ударов сердца. Глухой стук ударов, шлепков и хлопков. Движения навахо были столь быстры, что почти размывались.

Трое юных колошей лежали без сознания на мерзлой земле, а остальные юноши с открытыми ртами ошарашенно хлопали глазами. Они даже представить не могли что кто-то может так драться. Лучшие воины племени перед надменным навахо были как дети ...

– Ты, ты и ты! – ткнул подобранной палкой в колошей страшный пришелец, – подобрать этих, – палка ткнула сначала в лежащих, потом в направлении одной из палаток, – Отнесите их туда, там им окажут помощь.

– Вы слабы, поэтому бледнолицые могли делать с вами все что захотят! – продолжал навахо самодовольно ухмыляясь, – Или среди вас есть еще кто-нибудь кто думает, что сможет противостоять мне! Мастер-сержанту Карлосу?

– Я! – произнес среднего роста но широкоплечий колош из рода киксади, чьи воины издавна славились искусством владения тяжелыми резными дубинками-палицами из дерева или китового ребра.

Полные ярости и надежды взгляды вонзились в худое лицо нового добровольца. Быть может он сможет постоять за честь племени?

– Я, сэр! – диким койотом взревел пришелец.

– Я, сэр, – нехотя повторил колош. Самозванный учитель делами доказал силу и право учить воинов, – но я не умею без оружия, могу только на дубинках.

– Мне все равно, – самодовольным тоном заявил пришелец. Когда по его приказу двое юношей принесли тяжелые дубины. Он взвесил одну из них в руке и наставил ее на противника.

– Желаеть одеть защиту?

– Да! – глаза колоша сверкнули, обожгли хвостуна ненавидящим взглядом.

– Благоразумно, – иронично качнул головой навахо и ответил противнику высокомерным, ленивым взглядом, – нечасто встретишь такое в юнцах. Знал бы ты сколько таких же я уже обучил военному ремеслу и преподавал уроки почтительности к старшим.

После того как оба противника одели деревянные шлемы с забралами навахо лениво произнес:

– Нападай.

Юноша сделал два быстрых шага и нанес удар, еще совсем несильный, словно для разведки, пришелец отразил его немного рисуясь. Противники закружили, пытаясь повернуть соперника напротив подымающегося и бьющего в глаза солнца и прощупывая оборону друг друга легкими пробными ударами дубинки и пассами руками. Чем-то неуловимым они напоминали боевых петухов перед схваткой. Строй юных бойцов полными надежды взглядами пожирал бойцов. Как они желали удачи соплеменнику в схватке с наглым пришельцем!

Прощупывание длилось недолго, бойцы почти одновременно кинулись друг на друга. Бешено замелькали дубины. Их частый, глухой стук, подобный треску великанского дятла, далеко раздавался над притихшим лагерем.

Мастер-сержант Карлос не зря слыл одним из сильнейших рукопашников среди воинов-навахо, но дубины никогда не были его любимым оружием. Вот если бы ножи или штыковой бой, тогда у молодого колоша шансы на победу равнялись нулю, но в схватке на дубинах он никак не мог достать юркого и сильного словно медведь противника. После первых же секунд

схватки Карлос понял, что зря он недооценивал силу противника. Несмотря на весь свой опыт ему никак не удавалось закончить схватку одним мощным ударом.

Они сражались и сражались, расходясь и сталкиваясь снова и снова. Юный колош дрался словно разъяренный кадык, уворачиваясь от ударов и нанося быстрые и мощные ответные, пинки и замахи. Он носился вокруг противника, сто раз меняя тактику и местоположение.

В лагере царила мертвая тишина. Слышались только глухие соударения дубинок. И юные бойцы и женщины колошей смотрели на поединок, а их сердца сжимались от ужаса и восторга.

Схватка в конце концов вывела навахо из терпения, и он совершил ошибку. Сильный удар сверху вниз по шлему встретил пустоту и навахо «провалился» – он открылся.

Колош не колебался и использовал шанс до конца. Дубина с деревянным треском обрушилась на голову пришельца.

Карлос выронил оружие из крепких рук и упал на колени. Покачнувшись, рухнул навзничь и остался лежать без движения. Лагерь разразился ликующими криками, с окрестных полей сорвались целые стаи птиц и, пронзительно крича, словно радуясь виду лежащего на мерзлой земле неподвижного тела, закружились над палатками. Строй смешался, ликующие воины обступили тело поверженного навахо.

Стоявшие позади Карлоса инструктора пребывали в ступоре совсем недолго, подбежав к телу, сорвали шлем, обнажив бледное лицо с закрытыми глазами. Один из инструкторов приставил два пальца к шее, несколько мгновений вслушивался, затем облегченно выдохнул и сказал что-то на своем языке столпившемуся вокруг навахо. Двое инструкторов торопливо подхватили тело под мышки и за ноги и, почти бегом расталкивая толпу, понесли в палатку медиков.

Лагерь успокоился только под вечер, когда прибыли старейшины – вожди колошей, а пришельцы продемонстрировали как за две сотни шагов насквозь дырявят вонючими и грохочущими палками, их они называли винтовками, висящие на врытых в землю палках деревянные доспехи. Потом началась учеба. Юных индейцев учили перестраиваться на ходу из колонны в линию стрелков, стрелять и ухаживать за оружием. Штыковому бою и нападению без оружия и многим другим премудростям. Вот только вели себя инструктора по отношению к юным воинам гораздо уважительнее, в том числе появившийся только на следующий день мастер-сержант Карлос.

Закат, в кровь окрасив крыши домов, умирал. Город – сердце восточноамериканских владений Соединенных племен Америки, когда-то называвшийся Нью-Йорк, тихо млеет под лучами щедрого во время индейского лета на тепло солнца. Море блестело словно стеклянное, качало, словно мать люльку, пропахшие рыбой лодочки в гавани.

Вроде все, как и раньше? Как бы не так! После завоевания навахо в нем поселился страх, какого не было при голландцах и англичанах. О прошумевшей совсем недавно дорого стоявшей городу войне не давали забыть до конца не залеченные шрамы. Полуразрушенные с черными от копоти стенами и выбитыми окнами здания, в них, казалось, еще слышен радостный говор населявших его людей, с немым укором смотрели на прохожих. Прошло больше года, но восстановили только те здания, чьи хозяева выжили во время короткого, но яростного штурма. Зато вместо них на пустошах поднялись вигвамы приведенных навахо индейцев. За городскими стенами затих лагерь осужденных судом навахо и просто неугодных им горожан. Облитые закатными лучами словно кровью деревянные стены высоки, стражи на высоких башнях по углам зоркие, еще никому не удалось убежать. Но о том, что там творилось, горожане осмеливались говорить только шепотом и в кругу своих, не дай бог сосед услышит и прибежит с доносом к навахо. На просторных стрит (улицах) пустынно. Добрые горожане от греха подальше спрятались по домам. Лишь изредка торопливо пробежит, оглядываясь, нет ли поблизости индейского патруля, потомок прежних владельцев города: англичан или

голландцев. На груди напротив сердца, словно клеймо неполноценности, горит желтая звезда. Бесшумно вышагивали с непроницаемыми лицами посередине мощенной булыжниками улицы новые хозяева: индейцы. За спиной мерно покачиваются дула винтовок: их они не задумываясь пускали в дело при малейшем поводе. Только появление бесовской диковинки навахо: смердящего автомобиля могло заставить их уступить дорогу.

Одно осталось неизменным: над крышами поднимались в темнеющее и чистое небо бесчисленные дымы, да зазывали и до хрипоты торговались лавочники. Хозяйки готовили обед мужьям независимо от того, кто владел городом, а негоцианты все так же пытались продать товары. Не изменился и не пропадающий ни днем ни ночью шум большого города. К говору почти двадцатитысячного населения присоединялись мерные выдохи седой Атлантики, непрерывные вздохи ветра и торжественный бой колоколов протестантских кирх.

Там, где в Нью-Йорке двадцатого века размещался самый конец района Даунтаун (который в те времена был гораздо уже, потому что его еще не расширили за счет подсыпанной земли) возвышался защищающий вход в гавань каменный форт. Из бойниц высоких стен угрюмо выглядывали батареи двенадцати- и тридцатидвухфунтовых орудий. Напротив него, в двухэтажном доме, резиденции еще «старого» губернатора, где разместился «новый», было чисто и чинно и ничего не говорило об опалившей город военной грозе. У двустворчатой дубовой двери, столь высокой, что через нее мог, не сгибая головы пройти настоящий великан, застыли истуканами два рослых стрелка – индейца, в странного, темно-зеленого цвета шлемах и такого-же цвета панцирях. Жарко блестели стальные острия штыков на винтовках за спиной. Простые горожане от греха подальше старались побыстрее пробежать мимо резиденции губернатора. Мало ли что подумают навахо! Вдруг заподозрят в каком-нибудь умысле против новой власти?

Напротив часовых остановился невысокий, взлохмаченный человек весь перепачканный в саже и угольной пыли, с целой шапкой нечесаных волос на голове, с плеча свисала бухта веревки. Он стоял перед навахо, то и дело переступая с ноги на ногу и комкая в руках шапку, пока один из них не обратил на него взгляд.

– Ты кто, снежок?

– Сэр, мне приказано почистить трубы в доме губернатора.

– Подожди, – сквозь зубы процедил индеец и поднял трубку висевшего на стене телефона. Коротко переговорив по-навахски, приказал, – Жди, – он равнодушно перевел взгляд вдаль.

Через несколько минут спустился седой камердинер, чисто выбритый с лишенным всякого выражения темным, медного цвета лицом и свиными глазками, утонувшими в сытых щеках. Если бы не желтая звезда на груди, ничего бы не говорило о его подчиненном положении. Оглядев трубочиста стылмым взглядом, словно у жабы, повелительно махнул рукой и, немало не заботясь о том, правильно ли его поняли, направился вглубь дома. Немного поколебавшись, трубочист направился за ним.

Через десяток минут открылся люк, и трубочист забрался на крышу резиденции. Вокруг море красночерепичных крыш, изредка словно островки обгоревшие провалы незалеченных следов войны, за серыми городскими стенами и высокими башнями, кольцом охватывавшими город – главное отличие от времен до навахо: деревянные укрепления лагеря осужденных. Гулко стучат копыта по деревянной мостовой, изредка прогудит проезжающая машина, но сильнее всего слышны десятки людских голосов: прохожих, уличных мальчишек, торговцев, зазывающих покупателей, сливающихся в неумолкающий гул, в котором вычленишь какой-либо голос невозможно.

Оставшись один, трубочист повел себя в высшей степени странно. Вместо того, чтобы заниматься порученным ему делом – чистить трубы от сажи и гари, поочередно подходил к ним и на веревке спускал вниз некое устройство. А сам замирал рядом, вложив в ухо бусинку,

присоединенную с другого конца веревки. Только на пятой попытке разговор внизу так заинтересовал его, что он решил прослушать его до конца.

– Господа, позвольте представиться, я лорд-председатель его Величества Почтеннейшего Тайного Совета лорд Дадли, – произнес старческий, но еще вполне бодрый голос на том диалекте английского, который в будущем назовут оксфордским произношением и, после секундной заминки, добавил, – моего спутника зовут лорд Абердэр.

– А это я удачно попал, – прошептал на русском трубочист, присаживаясь и устраиваясь поудобнее на черепице крыши.

– Я знаю кто вы, – ответил грубый голос, при звуке которого трубочист вздрогнул. Он столько раз его слышал, что, наверное, голос губернатора мог вычленил среди самой густой толпы.

Повисло секундное молчание, но видимо поняв, что другая сторона не собирается представляться, старческий голос продолжил:

– Сэр! Вы: Соединенные племена Америки и moskovit вместе с их покровителями Mastergrad такими же пришельцами из будущего, как и вы, сейчас сильнейшие державы Земли и значит между вами может быть только вражда. Английская Корона тоже противники moskovit и значит мы нужны друг другу, у нас общий враг, а враг моего врага – мой друг.

– Белые нам друзья... смешнее и нелепей этого я еще не слышал. Что вам нужно от навахо, лорды?

– Сэр! – с горячностью воскликнул человек, судя по голосу, совсем молодой, – как представитель великой державы я требую к нам уважения!

– Да ничего ты не можешь требовать, и твоей великой державы больше нет, ее в хвост и в гриву бьют франки, которых мы вышвырнули из Америки словно нагадивших на пол котят.

– Но сэр! Я попрошу относиться к нам с уважением как к полномочным послам... – договорить он не успел, его перебил все тот же грубый голос.

– Щенок, ты мне надоел, – после секундного молчания грубый голос продолжил, – если ты, Дадли хочешь переговоров, убей его собственной рукой или убирайся обратно за океан!

– Сэр, – после некоторой паузы произнес старческий голос, – к чему такие крайности, мы же цивилизованные люди и всегда можем договориться.

– Это вы цивилизованные люди а я всего лишь дикий навахо и, или ты пристрелишь щенка, или немедленно отправляйся обратно. Это мое последнее слово.

– Что вы себе позволяете, – пронзительно крикнул молодой, – мы послы, и через несколько томительных секунд, – сэр, сэр, что вы делаете, неужели вы выстрелите... сэр...

И тут, внезапно и резко, словно топор палача по шее узника, по нервам ударил выстрел, невольный слушатель разговора зябко вздрогнул.

Послышались негромкие хлопки ладоней.

– Bravo сэр! Есть еще решимость у английской аристократии, вижу, что вы действительно заинтересованы в переговорах. А о щенке не жалеете, каждый человек сам архитектор своего счастья. Майкл, Ахига уберите это.

Послышался звук, словно по полу волочили что-то, потом тот же голос продолжил:

– Итак, что англичане хотят от нецивилизованных навахо.

– Сэр, – старческий голос слегка дрожал, но только это говорило об испытываемом его обладателем волнении, слова он выговаривал твердо, как говорили в двадцатом веке американцы, с неподвижной верхней губой, – и зачем весь этот спектакль с убийством моими руками несчастного лорда Абердэр?

– Вы, англичане, тоже не всегда поступаете разумно и отдаетесь на волю эмоций. Живущий в стеклянном доме не должен бросать в других камни! Мне хотелось убедиться, что мы нужны вам ну и не скрою немного позабавиться... ты даже не представляешь какое я удовольствие сейчас получил, а для ведения переговоров вас сэр более чем достаточно, – после неко-

торого молчания он продолжил, – вернемся к моему вопросу: так что вам нужно от навахо? И учтите я понимаю только грубый язык выгоды!

– Сэр, нам нужно оружие вашего производства, паровые двигатели и некоторые ваши технологии, вот, – послышался шелест бумаги, – полный перечень необходимого нам.

– Посмотрим... о... 4-х, 8-ми и 18-фунтовые стальные орудия, винтовки... технологии производства стали... Вы много хотите, перечень аж на два листа, а что мы будем иметь взамен?

– А разве союзники не должны помогать друг?

– Белым мы никогда не будем союзниками, если наши интересы совпадают мы можем сотрудничать, но все имеет свою цену!

– Сэр, мы признаем владения в Северной Америке, которые навахо захватили у британской Короны принадлежащими вам по праву войны.

– Бесплатных обедов, лорд Дадли, не бывает. Этот континент и так наш, так что предлагайте хорошую цену в золоте, и мы подумаем, что из вашего списка мы можем вам продать.

– Сэр, Корона сейчас ограничена в финансах. Война за испанское наследство поглощает средства словно библейский Молох. Как насчет предоставления нам кредита?

– Так не пойдет. «No money, no honey», (За удовольствие надо платить).

После непродолжительного молчания раздался старческий голос.

– Ведущие банкирские дома королевства готовы предоставить Короне кредит, чтобы купить все нужно для продолжения войны, мы найдем средства.

За спиной зашуршали нападавшие на крышу сухие листья, и, обернувшись, трубочист увидел руки забиравшегося наверх человека. Выдернутый из штекера провод с бусинкой наушника на конце полетел в карман. Когда на крыше появилась знакомая фигура камердинера, мастер очистки труб с шумом усердно орудовал веревкой, прочищая трубу от копоты. Камердинер бесшумно подошел поближе и встал за его спиной.

– Кхе-кхе – с шумом откашлялся.

Трубочист стремительно обернулся, мгновенный испуг на лице сменился удивлением.

– А, это вы, сэр! А я и не заметил, как вы подошли!

– Еще бы ты заметил! – с самодовольной ухмылкой произнес камердинер, доставая из кармана трубочку и страшно дорогую и статусную зажигалку производства навахо, – Недаром я в молодости ходил с трапперами по здешним лесам! А чего так долго чистишь? Вроде после зимы все почистили?

– Не знаю, сэр, но грязи много, извольте поглядеть! – трубочист вытащил из трубы веревку, на конце ее болтался черный от сажи ершик.

Камердинер наклонился, прищурился близоруко, отчего его лицо и виски покрылись такими глубокими морщинами, каких трубочист в жизни не видывал. «Предатель!», – подумал он, с невольной гадливостью окидывая взором с годами расплывшуюся фигуру холуя навахо.

– Кхм... Ладно, чисти, работничек! – покровительственным тоном произнес камердинер, зажигая трубку и пуская первый, самый вкусный дым в темнеющее небо, – До ночи успеешь?

– Постараюсь, сэр!

– Ты уж постарайся, работничек, а то у меня много других дел помимо тебя!

Камердинер, щурясь на дым, молча курил. Далеко на западе на сумрачном горизонте заалела полоса уютного, тревожного заката, когда трубочист, наконец, закончил работу. Получив несколько медных пенсов британской чеканки: навахо только собирались наладить выпуск собственных монет и в бывших британских владениях пользовались «старыми», с поклоном пробормотал слова благодарности и вышел из особняка. Стражи у двери проводили его безразличными взглядами, словно не человека, а нечто неодушевленное, еще через пару минут длинная и тонкая фигура в черном скрылась за угловым домом.

Всю следующую неделю никому так и не получилось проникнуть в резиденцию губернатора.

Вольно гуляющий по акватории порта свежий, пропахший йодом и гниющей рыбой ветер, гнал к берегу пенистые гривы волн, стучал портовым мусором об укрепленные сваями пирсы, раскачивал пришвартованные к ним убогие рыбацкие суденышки. Рвал стяги с разноцветной радугой со стоящих в дальнем углу порта военных пароходофрегатов навахо. Гавань, после захвата города, давно забыла веселый плеск падающих в воду якорных цепей, скрип извозчичьих телег, божбу боцманов и крики портовых грузчиков. Под угрозой немедленной конфискации судна и ареста экипажа ни один европейский капитан не осмеливался приблизиться к берегам Северной Америки, а какая-либо торговля со старым континентом была прекращена. Хотя европейские товары время от времени появлялись в городе, но торговали ими украдкой, задирая цены до умопомрачительных высот. Поэтому, когда в гавань две недели тому назад зашли четыре двухмачтовых брига явно европейской постройки, но без флагов на мачтах и кормах и встали на якоря посередине бухты, это стало настоящей сенсацией. Несколько дней любопытные горожане толпились на пристани, рассматривая таинственные корабли и гадая кто это? Бриги качались на морской волне; на чисто вымытых палубах моряки мелькали очень редко; на крутых кормах сверкали на солнце стеклом по три яруса искусно изукрашенных дубовой резьбой окошек. На черных бортах закрытые пушечные люки, между ними две белые полосы. Сереют на реях туго скрученные паруса. На берег так никто и не сошел и понемногу люди разошлись, лишь любопытные мальчишки продолжали шнырять по пристани, да суровые рыбаки каждое утро поднимали паруса чтобы выйти мимо таинственных кораблей в море и вернуться к закату с уловом.

В этот день с утра с низкого, укутанного хмурыми тучами неба шел редкий, но нудный дождь, индейское лето прошло, поэтому никто, кроме рыбаков и вездесущих мальчишек не видел, как порт оцепили суровые и заносчивые индейские воины, а таинственные европейские корабли подняли каждый по два больших прямых паруса на грот- и фок-мачтах и один прямой носовой – на конце длинного бушприта. Туго натянувшаяся парусина засвистела под напором ветра, корабли заскользили по-осеннему хмурому нью-йоркскому заливу. Лорд Дадли в плаще, в низко надвинутой шляпе, стоял у борта и задумчиво смотрел на город. Правильно ли он поступил? Снова и снова он анализировал все факторы, приведшие Корону к позорной сделке с наглыми краснокожими, и вновь приходил к выводу: она необходима для выживания страны и ее лучших людей. А поквитаться с навахо, отобравшими у Британии американские колонии можно и потом, когда у Британии наберется для этого достаточно сил. А мальчишка... А что мальчишка, это просто жертва обстоятельств, необходимая ради процветания Британии. Прошло не больше десяти минут. Украшенные деревянными статуями голых наяд, мощными руками поддерживающими длинный бушприты, тупые носы кораблей встали параллельно пирсам. Моряки привычно сволокли на берег сходни. Лорд Дадли прервал угрюмое молчание и, обернувшись, махнул капитану корабля Томасу Харди, ершистого, но головастого моряка он заметил еще в Англии и, после переезда в колонии поручал ему самые сложные поручения. С тех пор он ни разу не пожалел что приблизил к себе упрямого валийца.

Подгоняемые матросами по колеблющимся сходням потекли на берег закованные в железные кандалы чернокожие. Босые и мокрые, в жалких, едва прикрывавших чресла лохмотьях мужчины и женщины, непрерывным потоком текли на берег. Там их встречали индейцы и, построив в колонны, конвоировали из порта. Это была часть платы за закупленные англичанами товары.

Ближе к обеду, когда казавшийся бесконечным поток рабов иссяк, в порт въехали грузовики. Грузчики, с отборной руганью переговариваясь между собой, но донельзя довольные, что есть работа, с тюками на плечах и тяжелыми ящиками в руках устремились с укрепленного сваями берега на борта, портовые краны со скрипом переставляли на палубы огромные дере-

вянные ящики, в которых можно было спрятать взрослого бизона. Суэта длилась до вечера, пока корабли не погрузились в воду почти по ватерлинию.

В местечке, далеко за пределами порта, но откуда все происходящее в нем было отлично видно, с удочкой в руках у воды сидел мальчик. Только, когда солнце коснулось земли, утонув в багровых тучах, он вытащил удочку и, поправив мокрый дождевик, поспешил в город, но не домой, дело – есть дело оно вначале! Был у него знакомый, который очень интересовался таинственными кораблями и за вполне плевое дело, пересчитать груз и постараться понять какой он, обещал приличные деньги.

Наутро таинственных европейских кораблей в бухте не оказалось.

Через два месяца на стол начальника СБ Мастерграда Смирновского легла копия накладной на выдачу оружия и механизмов для англичан, неизвестными путями попавшая в руки мастерградских разведчиков, с пояснительными записями куратора американского направления капитана Светлова.

1. Паровые двигатели с котлами, мощностью 200 лошадиных сил-десять комплектов (для кораблей).

2. Паровые двигатели мощностью 50 лошадиных сил с котлами – 40 комплектов (для бронетракторов).

3. Рамы тракторов – 40 шт.

4. Колеса – 250 шт.

5. Тяжелые стальные орудия – 20 шт. (что-то типа 10-дюймовых колумбиад 1840 года).

6. Стальные 4-фунт. (87-мм) полевая орудия – 45 шт.

7. Взрыватели 1000 шт. (пригодны как для производства мин, так и для снаряжения артиллерийских снарядов).

8. Винтовки – 10 000 шт. (в основном что-то вроде винтовки Холла обр. 1819 г., в кремневой модификации и небольшое количество винтовок Фергюссона).

9. Пистолеты системы Холла – 500 шт.

10. Телефоны полевые – 10 шт. бухты полевого провода – 20 шт. по 500 м.

11. Колючей проволоки – 500 кг.

Утром секретарь отдала накладную назад капитану Светлову с резолюцией: подготовить развернутый доклад для Военного совета, срок один день.

Глава 3

Тяжело постукивая по доскам палубы позолоченной тростью с крупным алым рубином в навершие, Людовик XIV де Бурбон, также известный как Король-Солнце, тяжелой походкой, все-таки перевалило за шестьдесят, возраст для начала восемнадцатого века более чем почтенный, зашел в врачебный кабинет. Как всегда изысканно одет: в изящном синем камзоле, расшитом бурбоновскими лилиями. Пахло карболкой, из щели слегка приоткрытого окна доносился мерный плеск волн и резкие крики дерущихся чаек. Доктор, моложавая женщина в белоснежном халате того неопределенного возраста, когда равно можно дать и двадцать пять и тридцать пять, оторвалась от засыпанного бумагами стола и торопливо поднялась.

– Добрый день, сир! – с забавным акцентом произнесла женщина и слегка наклонила голову.

Людовик XIV несколько мгновений молча рассматривал идеально расчесанные русые волосы до худых плеч, отдельно посмотрел в лицо и на небольшую грудь. Потом неспешно проследовал по идеально чистому полу к кожаному креслу перед столом. Изящным движением усадив расплывшееся с годами тело, откинулся на спинку, холеные руки легли на стол, сверкнув кольцами с великолепными сапфирами и алмазами. Король искоса бросил раздраженный взгляд на доктора. Худая словно скелет! И это женщина? Ни одной приятной взгляду округлости! Неужели для лечения короля Франции нельзя выделить кого-то выглядевшую поприличнее? С утра в сопровождении правда довольно симпатичной медицинской сестрички в белом халатике он странствовал по недрам мастерградского госпитального корабля. Вначале зимы 1706 г. дошла очередь и до Франции и, в ходе турне по Европе судно зашло в порт Дувра. Об искусстве врачей пришельцев из будущего ходили самые чудесные слухи, дескать могут почти все, да и внук: Людовик, герцог Бургундский, подтвердил их. С годами короля, несмотря на от природы могучее здоровье, одолели самые разнообразные недуги, а неучи притворяющиеся докторами: придворные врачи Валло, д`Акена и Фагона, только мучили его, не давая облегчения. Услуги медиков города пришельцев стояли умопомрачительно дорого, но Король-Солнце мог позволить себе не обращать внимания на такую пошлую банальность как деньги.

Король был бодр и немного зол, да и под ложечкой сосало, время обеденное. Но гневался он не так чтобы слишком сильно: когда придворные прячутся по самым дальним закоулкам Версаля, а подвернувшийся под горячую руку неудачник мог запросто получить опалу, а то и направление на несколько лет в Бастилию, но после утра, полного малопонятных, но часто довольно неприятных и даже унижительных процедур, он был в состоянии глухого раздражения. Когда женщина присела за стол, Людовик XIV сделал над собой некоторое усилие, чтобы не дать прорваться гневу.

– Ну и каково состояние моего здоровья? – поинтересовался он раздраженным голосом.

Не глядя в холеное лицо с крупным породистым носом и тщательно запудренными морщинами, излучавшее властность и капризность, женщина слегка улыбнулась.

Людовик самодовольно ухмыльнулся. Смущается перед королем.

– Я как раз изучаю результаты анализов, сир, – потирая лоб и брови рукою, что у женщины всегда служило признаком внутреннего смущения, – подождите несколько минут...

Король выпятил породистую губу, на миг задумался, потом все же учтиво кивнул.

Внешне Людовик еще выглядел человеком крепким, но это было не так. Глаза женщины бежали по строкам бумаг с результатами анализов, но мысли ее были достаточно далеко. «Боже какой могучий здоровьем старик!» За долгую жизнь он приобрел кучу полученных «естественным» путем и с помощью коновалов, притворявшихся докторами, болячек, самыми малыми из них были хронические запоры, подагра, геморрой, и фурункулы. Король страдал от жившего в его организме солитера, а дантисты, вырывая верхние коренные зубы, вырвали у него

добрую часть неба. Она мельком вспомнила о задании СБ и взгляд невольно упал на баночку в углу стола с незатейливой наклейкой «Сердечные гликозиды – настойка ландыша». Лежащая на колене и невидимая Людовику левая рука вцепилась в перекладину стола так, что пальцы побелели от напряжения, лоб сморщился. Регулярное принятие препарата приведет к тому, что старый король умрет от естественных для французских врачей причин. Она, всю жизнь посвятившая служению людям, вынуждена собственными руками отправить на тот свет старика, вся вина которого в том, что он слишком сильный и талантливый лидер своей страны. Стало горько, захотелось заплакать, но все слезы она оплакала еще дома, в маленькой мастерградской колонии в Москве. Женщина не сразу дала согласие сбшнику. Вначале – категорически отказалась. Только тогда, когда тот «на пальцах» объяснил, что сильная Франция, владеющая половиной Европы это угроза войны между Россией и империей Бурбонов, что будет стоить обеим странам десятки и сотни тысяч жизней. И все они будут на ее совести. Она долго колебалась, плакала, пока наконец не согласилась.

Женщина оторвала взгляд от бумаг и посмотрела на короля, тот рассматривал ее таким изучающим и оценивающим взглядом, что она невольно потупилась.

– Сир, – произнесла после некоторого молчания, не глядя пациенту в глаза, – Думаю, мы сможем вам помочь. Если вы согласитесь погостить у нас дней двадцать, мы восстановим вам зубы и небо, – она замолчала и впервые ее взгляд встретился с блеклыми, стариковскими глазами Короля-Солнце, – Это будет стоить...

– Оставьте, мадам, не будем про деньги. Они не важны, – король вяло махнул рукой, высокий залысый лоб собрался в морщины, блеклые, выцветшие глаза блеснули. Ведь слухи о чудодейственности мастерградской медицины на чем-то основаны? – Скажите неужели это возможно?

Женщина кивнула.

– Ну а деликатные проблемы, мадам? Вы понимаете меня?

– И с деликатными поможем.

– Придворные доктора все твердят, надо пустить кровь. Примите слабительное... а толку никакого! – с каждым словом голос повышался, а на старческом лице сквозь слой пудры резко проступили морщины, щеки покрылись гневными пятнами, – Так могут и насмерть залечить! Merde! (дерьмо)

Женщина покачала головой.

– Сир, залечить можем и мы, но, – по бледным губам проползла вымученная улыбка, – только не в вашем случае. Наша медицинская наука позволяет лечить даже то, что ваши доктора считают смертельным приговором.

Король самодовольно и слегка мечтательно улыбнулся, настроение стремительно улучшалось. Неужели он вновь будет здоровым? А еще проблемы с небом. Когда врач вместе с зубом вырвал кусок неба, Людовик потерял возможность нормально есть. С той поры еда превратилась в мучение. Жидкость, которую он пытался проглотить, частично выливалась через нос. Твердая пища – застревала в носоглотке и извлечь ее иногда не удавалось по несколько дней. При этом вынимали ее так же: через нос, когда процесс гниения уже шел вовсю.

– Ну хорошо, я согласен.

Доктор тих вздохнула.

– Лекарства, вам будут приносить медсестры. А вот это, – она положила руку на лежащий на краю стола бутылек.

И тут, внезапно и резко, по натянутым нервам ударил телефонный звонок. От неожиданности доктор подскочила и вскрикнула.

– Сир, извините, я отвечу.

Король-солнце с довольным видом наклонил черный, тщательно расчесанный парик до плеч. И почему женщина не понравилась вначале? Этот курносый носик... В славянских женщинах все-таки есть определенный шарм, ему бы сбросить лет двадцать, и он бы ух!

– Але... – в трубке раздался голос радиста:

– Для вас телефонограмма: операция «Живчик», отменяется.

– Как, как? Подожди секунду, не слышно, я закрою окно, – она повернулась, женская рука надавила на створку, плотно закрывая окно. Плеск волн стал еле слышен, – повтори!

– Операция «Живчик», отменяется.

– Спасибо, – женщина бросила трубку. Впервые за прием она улыбнулась открыто и радостно, и король поразился, как он мог не заметить природную красоту женщины?

Страшная тяжесть свалилась с души, доктор облегченно перевела дух. Хотелось пить, а еще выпить полный стакан коньяка. Она не знала причин отмены операции, да и это не очень ее интересовало. Утром на военном совете Мастерграда обсуждали фактический союз навахо с англичанами. После долгих споров решили, что в этих условиях ослабление Франции не в интересах Мастерграда и России. Следовательно, смерть короля Людовик XIV де Бурбон, не нужна, надо напротив постараться сохранить ему жизнь.

Женщина посмотрела на пузырек с лекарством словно это не склянка, а притаившаяся на углу стола ядовитая змея.

– Итак, сир, сейчас подойдет медсестра и проводит в палату для самых дорогих наших пациентов.

Даже зимой на широте тропиков тепло, а утренний воздух чист и прохладен. Ноздри назойливо щекотали пряные ароматы неведомых и бесчисленных цветов и трав. Природа затихла, лишь ветер шелестел ветвями тропических деревьев, ночные звери и птицы уже замолкли, а дневные не перехватили эстафету. Солнце не успело подняться над горизонтом, но на востоке уже появилась наливающаяся пламенем полоса и уже достаточно рассвело, чтобы мутные очертания предметов стали отчетливей; на фоне светлеющего неба проступили стволы деревьев, темные громады заросших лесом гор, серела невысокая ограда из заостренных деревянных кольев, охранявшая поселение свободных чернокожих: маронов – беглых негров-рабов и их потомков, по большей части представителей одного африканского племени: ашанти. После того, как в 1655 году англичане выбили с острова прежних владельцев – испанцев, те с удовольствием подстроили захватчикам подлую каверзу: отпустили чернокожих рабов на свободу. Смешавшись с остатками индейцев, чернокожие породили новое и очень воинственное племя.

В заросших густым тропическим лесом горах Ямайки, покрывавших четыре пятых территории острова, дикари – мароны создали нечто вроде собственного государства и чувствовали себя в труднодоступных местностях острова, где они знали словно свои пять пальцев каждую тропинку, как дома. Во многом они жили набегами за скотом и грабежами. Это было не только месть обратившим их в рабство белым, но и во многом вынужденное поведение. В горах было слишком мало участков, удобных для сельского хозяйства, и чтобы не умереть с голоду неграм приходилось с оружием в руках спускаться с гор на богатое побережье, где проживали англичане. В свою очередь номинальные хозяева острова отвечали на набеги карательными акциями. Прекрасно приспособленные к партизанской войне мароны чувствительно огрызались и наносили регулярным войскам чувствительный урон. Каждый год сотни «Томту» находили смерть в горах Ямайки. Впрочем, регулярные войска в длительной войне всегда превосходят иррегуляров и, если бы не политика самих англичан, систематически привозивших из Африки новых чернокожих рабов, регулярно бунтовавших и сбегавших в горы, пополняя ряды маронов, победа была бы за англичанами.

Даже самый внимательный взгляд привычного к войне в лесу партизана не мог различить двух залегших за корнями большого дерева, в сотне метров от деревни чернокожих людей. Лица разрисованы черными и зелеными пятнами, словно не у цивилизованных людей, а у краснокожих, мешковатая одежда, густо-зеленого цвета, расшитая зелеными лентами, превращала их в привидения, совершенно незаметные на фоне рассветного тропического леса. Некоторое время люди наблюдали в бинокли за спящим селением. Над оградой между заостренными кольями мелькали две чернокожие физиономии: часовые, и еще одна – у закрытых ворот. Все спокойно, мароны не ожидают беды.

Второй лейтенант (офицерское звание в английской армии) Уэрли склонился к уху лежащего рядом человека.

– Сэр, все готово, прикажите начинать?

На бесстрашном, словно у игрока в покер лице лорда Дадли проявилась холодная решительность и жестокость. Большая часть английской элиты переселилась, возможно временно, в английские колонии в Вест-Индии и новым сердцем владений Британской короны должна стать Ямайка. Там, в отдалении от Европы будет удобнее участвовать дальше в «Большой Игре» и разворачивать новые производства, так что наличие неподконтрольных Короне территорий стало абсолютно нетерпимым. Он, Дадли не мямля и трус, как прежний губернатор острова Джон Кортни! Он выжжет гнезда дикарей – маронов! И поможет ему в этом богоугодном деле начальник его личной стражи Уэрли. Молодой офицер получил богатый опыт сражений с навахо, в частности научился маскироваться как их лесные разведчики и, после выполнения нескольких деликатных поручений престарелый лорд приблизил его к себе. В облике молодого офицера ничего не напоминало того испуганного мальчишку, который в страхе бежал из разгромленного навахо маленького форта на берегах реки Мохока. Годы и несколько неудачных сражений с индейцами, в которых он выжил, закалили его, он заматерел и превратился в изрядного циника. Только голубые глаза и, пожалуй, упрямый англосаксонский подбородок, роднили его с прежним наивным юношей.

– Приступайте.

Офицер коротко кивнул и, подхватив казнозарядную винтовку – точную копию оружия индейцев-союзников навахо, отступил на несколько шагов в глубь леса. Через минуту на опушку проскользнуло три бесшумные тени, залегли на земле. Сухо щелкнули курки.

«Пок, пок, пок» – тихо прошелестели выстрелы из пневматических винтовок, внешне напоминающих оружие спецподразделений русских: пневматические винтовки Жирардони. Головы чернокожих исчезли, из-за ограды послышался глухой шлепок падения чего-то крупного. Все, счет пошел на секунды!

Пригибаясь к слегка пожелтевшей траве четверо одетых в лесной камуфляж солдат с короткой, 7-8 футов длины лестницей в руках, метнулись из темных и таинственных глубин джунглей к закрытым изнутри воротам селения. Через несколько томительно-тревожных трепыханий сердца в груди перемахнули по лестнице острые колья и исчезли из виду. Пару десятков секунд ничего не происходило, лишь устало шелестели листьями деревья, потом ворота деревни, испуганно дрогнули и бесшумно распахнулись. В проеме показался один из солдат, махнул рукой. Уэрли оглянулся на стоящих позади людей, повелительно махнул в направлении деревни. Толпа солдат с винтовками и пистолетами в руках безмолвно, словно злые лесные духи из страшных африканских легенд, ринулась сквозь рассветный полумрак. Впереди на поводках молча рвались вперед высокие и поджарые собаки, воспитанные известными на всю Вест-Индию охотниками за рабами: кубинскими ранчадорес. Собаки показали себя превосходными ловцами беглецов, но невероятно дорогими, их содержание, даже одной, стоило больше, чем расходы на содержание взрослого раба. Но они оправдывали себя, до последнего пенни! Найдя беглеца-раба по запаху, пес, если тот сразу не покорялся, нападал на него и, пытался ухватить беглеца за ухо. При этом вонзал зубы с такой силой, что боль заставляла

негров уступать и сдаваться на милость победителя. Если же беглый раб продолжал сопротивляться, то дело доходило до серьезных травм.

Понеслось! Темп! Темп! Темп, пока негры не обнаружили что деревню штурмуют враги! Дорога каждая секунда. Ашанти довольно воинственное племя, и храбрости им не занимать, а сотня разъяренных африканских воинов, вооруженных не только копьями, но и пусть устаревшим, но огнестрелом, это очень серьезно. По тонким губам лорда Дадли пробежала злая усмешка, а стоявший рядом офицер положил руку на эфес клинка и отправился за подчиненными. Возле вельможи остались только двое личных телохранителя и управляющий поместья лорда: высокий худощавый мужчина, уже седой с темным, медного цвета, лицом и свинными угрюмыми глазками. Узнав о желании мужа поохотится, жена была в ужасе, но лорд ее мнение проигнорировал. Что может быть слаще чем охота на двуногую дичь? Пусть занимается своими тряпками, балами и подбором достойного жениха для дочери и не лезет в мужские дела.

Между тем светлело, все больше проступали громады заросших лесом гор, растительность была поразительно пышная, хотя на высоте уже отнюдь не тропическая, она наводила на мысли о настоящем земным рае. Легкий ветерок овеивал пылающее от возбуждения лицо лорда Дадли. Красные после бессонной ночи глаза наблюдали за штурмом с каким-то мрачным удовлетворением. Новое сердце британской Империи должно принадлежать белым людям, исповедующим веру в Христа и никому другому. Это селение маронов покорится первым, за ним последуют следующие. Вся Ямайка, без всякого исключения, будет принадлежать англичанам!

«Бах!» – звук выстрела эхом разнесся над кольями ограды и верхушками деревьев, разорвав тревожную тишину в клочья. Потом другой, третий. Лорд вздрогнул от неожиданности. Эхо плыло в прозрачном воздухе пока не раздался испуганный крик, вроде бы женский и сразу за этим шум свалки. Все, штурм обнаружен. Руки за спиной судорожно стиснулись в кулаки, тонкие губы сжались в ниточку. Ну сколько можно возиться с дикарями? А еще говорили, что второй лейтенант Уэрли из лучших! Еще через несколько минут крики за оградой поселения и выстрелы утихли, в раскрытых воротах деревни показался Уэрли. На лице его застыла кривая улыбка.

– Сэр! Все кончилось, можно заходить!

За воротами открывалась большая группа хаотично разбросанных хижин с куполообразными крышами, все кругом них заросло буйным сорняком. Подобно зулусским, здания имели каркас из прутьев, красиво переплетенных с травой, вокруг стен участок с плотно утрамбованным покрытием из толченого известняка. О кратком штурме селения говорили только несколько тел чернокожих, разлегшихся в лужах крови у высоких дверей в собственные жилища. В центре селения, на площади застыла безмолвная чернокожая толпа в окружении вооруженных бойцов с собаками, даже маленькие дети на руках у матерей молчали, словно понимая, что сейчас произойдет нечто ужасное. Подчеркнуто широким и медленным шагом лорд подошел к толпе, над которой буквально плавал острый аромат страха.

– Ну что рабы? – торжествующе провозгласил Дадли, – Все, кончилось время, когда вы могли безнаказанно разбойничать. Запору всех, кто не поймет, где ваше место! Думали спрячетесь в горах? Я вас и здесь найду, и заставлю слушаться белого господина!

– Разве можно так с людьми? – послышался на неплохом английском голос из толпы.

– Что? – взвился лорд, – да как ты смел, раб! Взять его.

Когда ринувшиеся в толпу солдаты вытащили крепкого негра в одной набедренной повязке по виду еще совсем не старого, лорд ткнул в пленника пальцем.

– Этого болтливового повесить, остальных в кандалы!

Негру связали руки. Веревка с петлей полетела через ветку росшего посередине деревни раскидистого сапотового дерева. Острие шпаги заставило пленника встать на найденный в хижине низенький столик, петля легла на шею. Казалось, он не понимал, что жестокосердные белокожие хотят с ним сделать, лишь оскаленные крепкие белые зубы, особенно выделяющи-

еся на черном лице, сверкали на солнце. Ловким ударом один из солдат, которого использовали в качестве штатного палача отряда, выбил из-под несчастного опору. Большое тело чернокожего рвануло вниз, ноги достали землю. Петля, захлестнувшая горло, душила, заставляла, упираясь в утопанную землю большими пальцами босых ног, встать на цыпочки. Глаза с белыми, большими белками, столь часто встречающиеся у чернокожих, почти вылезли из орбит, изо рта обильно пошла пена. Он что-то выкрикнул на своем языке, толпа глухо охнула, заволновалась, но наткнувшись грудью на острия боевых шпаг, отхлынула назад.

Палач чертыхнулся и повис на теле несчастного, но тот все еще жил. Сухое, мускулистое тело раскачивалось на веревке, то рефлекторно сжимаясь в комок, когда колени почти касались подбородка, то вновь касаясь пальцами ног земли. Из выпученных глаз ручьями катились слезы, смешиваясь на груди с потоками слюны из страшно искривленного рта. Пытаясь облегчить страдания мучительно и тщетно тянулся вверх.

Наконец палач сообразил и найденной в хижине лопатой начал подкапывать под несчастным землю. С каждым взмахом тело все больше обвисало, удлинялась шея, курчавая голова все больше откидывалась. Наконец затих. Через полчаса колонна закованных в кандалы чернокожих мужчин и женщин с детьми в окружении вооруженных солдат направилась в скорбный путь вниз, к побережью.

Сэр Дадли достиг замечательных успехов. Войска под его командованием пленили или убили множество маронов, но так и не сумели захватить все селения бывших рабов а потом ему и вовсе стало не до беглых невольников, по королевскому указу его отозвали в метрополию. Там назревали события, которые решат судьбу Европы.

На севере благословенной Господом земли: Belle France (Прекрасной Франции) море даже зимой не такое, как во владениях таинственного и мрачного русского le tsar (царя), словно молния ворвавшегося в большую европейскую политику и вместе с владыкой Галлии разрушившего великие государства и союзы. Серо-зеленые, пенистые волны зимнего моря торопливо набегали на пустынные берега северо-запада Франции: то покрытый галечными пляжами, дальше – редкими кривыми деревьями; то – невысокими белыми скалами. Правда по великолепию они не шли ни в какое сравнение с поистине чудом природы – знаменитыми меловыми скалами Дувра на противоположном берегу пролива Па-де-Кале. Не обделяли волны вниманием и порт Гавра: одного из крупнейших во Франции – настоящих ворот в богатые заокеанские земли. Тихо шепча нечто успокоительное нетерпеливо врываются внутрь акватории, мягко и беззаботно колыхали парусники на якорях со скрученными парусами, нежно баюкали пропахшие ромом, табаком, запахом дальних стран и опасных путешествий спящие по случаю ночи экипажи; стучали по безлюдным пристаням портовым мусором: дохлыми рыбами, яичной скорлупой и обрывками водорослей. Ночную тишину нарушал лишь равнодушный плеск волн, мерный свист пропахшего морем и йодом ветра да недовольные крики чаек. После тяжелого трудового дня горожане беспечно отдыхали; даже буйные моряки, пьянствовавшие в припортовых трактирах с гулящими девками, утихомирились, расползлись по кораблям и дешевым гостиницам, город спал. Длинной вереницей вдоль узких средневековых улиц бежали двух-трехэтажные здания, с нависшими друг над другом этажами, поверх их ломаная линия островерхих черепичных кровель. Лишь кое-где в узеньких окнах с цветными оконными стеклами мелькали едва заметные в ночи огоньки свечей да терялся среди морских волн свет маяка, но все жалкие потуги человека осветить мир, когда зима накрыло небо мрачными словно грех тучами, были тщетны.

Море – одаряет людей дешевой едой: рыбой, море – вечное средство сообщения между странами, народами и цивилизациями, но оно и источник вечной угрозы. Моряки и рыбаки ежегодно платили дань ему собственными жизнями, а где-то далеко за морями и океанами, еще были цунами. Это когда внезапно отступив от берега, море бросается на шторм суши

колоссальной высоты волной, иногда заходя вглубь континентов и островов на много лье (лье: 4,5 километра) унося в единый горестный миг тысячи жизней и разрушая словно песочные прибрежные города. Но такая угроза как подобранный к середине ночи к берегам Франции корабль с черными, сливавшимися цветом с хмурым небом парусами, со стороны моря еще никогда не приходила на заселенные человеком земли. Ни единый огонек не горел на борту и его прибытия никто не заметил, ни портовые власти, ни моряки отдохавших в гавани кораблей, а зря...

Одна за другой десяток вместительных шлюпок, взметнув холодные брызги, упали в зимнее море, равнодушное, глухое, а когда их экипажи заняли места за веслами и бережно приняли спущенные с палубы грузы, в гнетущей тиши раздалась негромкая команда на английском: «Протянуться!». Матросы оттолкнулись от корпуса корабля. Шлюпки, словно гигантские морские крокодилы, направились сквозь непроглядную темень зимней ночи на предательский свет маяка. Капитан Томас Харди провожал их взглядом пока темные силуэты не скрылись в ночной тьме, потом торопливо перекрестился. На страшное дело он решился, но ради родной Англии он готов на все. А душа... да даже и душу ради нее он готов отдать.

Прошло полчаса, шлюпки потеряли друг друга из виду, но продолжали с едва слышным плеском весел приближаться к порту. На носу одной из них вглядывался в едва заметную на фоне беззвездного неба темную полосу приближающегося берега человек средних лет в выдавшей виды парусиновой морской куртке: невысокий, но плотный с красным носом, выдававшим большого любителя пропустить стаканчик горячительного, но упаси боже не на службе! Время от времени мозолистые руки с грязными ногтями, привыкшие к самой грязной работе, торопливо зализали в карман куртки и доставали оттуда настоящие чудо – часы мастерградской работы. Человек внимательно смотрел на хрупкие стрелочки на циферблате, хмурился, потом нервно и недовольно опускал их назад, сердце даже у него, прошедшего десятки боев, стучало чаще чем обычно. Время тянулось тягучей сахарной патокой, вражеский берег приближался. Моряки начали нетерпеливо ерзать и оглядываться. Наконец прозвучало долгожданное:

– Суши весла! – произнес грубый мужской голос, привычный перекиривать неистовство морских бурь и рев ураганов. Мерный плеск взбивающих волны весел прекратился, лишь одно еще запоздало загребло воду. Через миг послышался смачный звук оплеухи.

– Джек, если будешь мечтать о девках вместо того, чтобы выполнять мои команды, я лично попрошу кэпа как следует ободрать тебе спину линьком (линек – короткая веревка, с палец толщины, с узлом на конце. Служил для наказания матросов на флоте).

– Сэр! Больше не повториться сэр! – потирая затылок ответил высокий, но совсем юный матрос.

– То-то же! Ставьте эту чертову машину!

После нескольких минут напряженной возни над бортами шлюпки поднялся лафет с прицелом на раме.

– Осторожно ставь ракету, осторожно, чертов Джек! – произнес обладатель грубого мужского голоса. После того, как наводчик установил прицел, в руках обладателя грубого голоса блеснул огонек бензиновой зажигалки. На свет еще раз появились часы, после короткого взгляда на циферблат, исчезли в кармане. Руки торопливо омахнули крестом.

– Господи прости, – едва слышно прошептали губы, огонек от зажигалки побежал по запалу.

Еще несколько томительных мгновений, распустив огненный хвост ракета с шипением, подобным змеиному, улетела по направлению к городу, на миг осветив столпотворение кораблей в порту, узкие прибрежные улочки и на удивление мирно, без каких-либо внешних эффектов вроде пожара или взрыва упала на землю. В промежутке нескольких секунд еще десять ракет с других шлюпок унеслось в сторону Гавра. Англичане сумели модернизировать доставшиеся им от индийцев ракеты и оснастить их двигателями на основе бездымного пороха, что

привело к увеличению дальности полета до 5000 ярдов, но с кучностью и точностью попаданий оставались большие проблемы. Впрочем, для стрельбы по такой большой цели как город, они были не важны. Еще десять раз огненные змеи уносились в сторону города. Уже после первых пусков множество огней загорелось в порту и на кораблях в их неверном свете стали видны мечущиеся на пристани и на палубах люди.

Исполнив порученное, экипажи шлюпок собрали лафеты и лихорадочно погребли в сторону загоревшегося в море огонька. Через сорок минут черный корабль поднял на борт последнюю шлюпку с экипажем, а еще через десять, исчез в темноте ночи.

Мсье Вессон, городской стражник, с чадно пылающим факелом в руке, осторожно подошел к двухэтажному зданию портовой таверны с криво прибитой вывеской над входом: «Веселый моряк». В ее каменную стену только-что ударил адский снаряд, человек поднял факел повыше. Неверный свет высветил совершенно не пострадавшую стену, лишь на высоте человеческого роста немного выщерблены красные кирпичи. Он облегченно перевел дух и тут его взгляд упал на лежащий в нескольких дюймах от нее снаряд. Из косой и широкой трещины, пересекавшей деревянный корпус, высыпались тушки крыс некоторые еще шевелились, одна, с перебитыми задними лапками упрямо ползла по мокрым булыжникам на человека. «Господи, что это? Что за чертовщина?» Стражник содрогнулся и невольно попятился. Он споткнулся о камень, мостовая больно ударила непривычное к таким испытаниям седалище и не заметил, как крохотная блоха прыгнула на штаны.

В ту же злосчастную ночь приморские города: Кале, Гранвиль и Дюнкерк тоже подверглись ракетному обстрелу, в результате него территория атлантических портов Франции была усеяна исковерканными обломками снарядов и окровавленными трупами крыс. Полиция прибрежных городов изнемогала от беготни и усилий, разыскивая откуда в этой странной истории «растут ноги», но так и не смогла докопаться до истины. Никто не видел ни кораблей, на которых приплыли неведомые ракетчики, ни их самих, ни аппаратов, с которых запускали снаряды. У Франции было множество непримиримых и не смирившихся с победой страны в войне за испанское наследство врагов: Англия, все протестантские страны северной Европы и, кто именно стоял за обстрелом, так и осталось тайной.

Прошло шесть дней. После визита мастерградских докторов Король-Солнце, значительно поправил здоровье. Избавился от множества старых болезней, зарастил дыру в небе и обзавелся выглядевшими совершенно натурально искусственными зубами. Король чувствовал себя настолько хорошо, что начал вновь с интересом посматривать на версальских дам, но сейчас он был в прескверном настроении. Все началось с утра. Любимый мопс маркизы де Ментенон проявил вопиющую бестактность, пометив изящные туфли короля, потом весь день приходили известия, совершенно не радующие владыку Франции: то в одном уголке страны появились недовольные, то дворяне новых, североитальянских владений королевства собирают комплот (преступный заговор, союз против кого-либо) а тут еще доклад шефа полиции Ла Рени о результатах расследования обстрела атлантических портов. Внимательно прочитав последнюю страницу обширного доклада, король откинулся в парчовом итальянском кресле, руки крепко сжали подоконники, Людовик XIV де Бурбон испытал самый настоящий гнев и недовольство. При чем здесь крысы? Это было непонятно, а все непонятное король категорически не переносил. Руки нашарили на столе выпускавшуюся в Мастерграде для очень, очень богатых людей золотую ручку. Немного подумав, собственноручно написал резолюцию:

Господин Ла Рени! Зная ваши многочисленные таланты, льщу себя надеждой, что вскоре вы узнаете имена богопротивных врагов Франции. Посему жду вашего доклада об успешном расследовании. Тех, кто проявил недостаточно преданности Престолу, накажите самостоятельно. Людовик.

Первой в комнату больного зашла высохшая старушка с выражением страдания на хранившем следы былой красоты лице. Лет ей было не меньше сорока пяти, тело – давно потеряло

привлекательную форму и съжилось под простым ситцевым платьем, но несмотря на прожитые года говорила женщина все еще крепким и уверенным голосом.

– Заходите, господин, медикус, – произнесла она, сопровождая слова приглашающим жестом, – муж здесь.

Врач, высокий и худой а слегка выпученными глазами – маслинами с благожелательной улыбкой на губах и кожаным чемоданчиком в руке важно прошел в полутемную комнатушку, едва освещенную вечерним, выглядывающим из оконца под потолком, солнцем. Из трещащего в углу очага струился сухой жар, пахло дымом, лекарствами и людским страданием. Женщина ткнула морщинистым пальцем в угол. Закопавшись в одеяло, на широкой измятой постели то ли спал то ли лежал с закрытыми глазами мертвенно-бледный мсье Вессон – городской стражник. Виски мокрые от пота, дышал часто, со свистом, словно сил только на это и осталось: дышать. Медик подошел к самодельному стулу у постели болящего, тихо присел. Женщина, скрестив руки под высохшей, грудью осталось у двери, беспокойный взгляд метался то на больного, то на лицо медика и назад. Медикус внимательно разглядывал больного, но все никак не приступал к осмотру. Мало-помалу на его лице появилась опаска, бледная рука осторожно поскребла нос.

Поднявшись с места, он отвел женщину к узкому окну, прищурился значительно, щеки собрались морщинами.

– Мадам! Расскажите, что случилось с больным, – произнес он, – как известно медицинской науке, важна каждая мелочь в самочувствии. Расскажите, как ваш муж заболел?

– Вчера утром почувствовал себя плохо. Говорил, что болит все тело, пришлось послать Вивьена предупредить месье Готье, десятника. Потом его начало лихорадить, тело горело жаром. А сегодня он и вовсе не вставал с постели и появилась кровавая мокрота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.